

СОДЕРЖАНИЕ СОБАК, ЕЗДА НА НИХ И УСТРОЙСТВО СБРУИ

О назначении собачьей привязи и ошейника понятие имеет каждый. Из слабого ошейника животное может «вылупиться» сначала случайно, а потом, познав вольность, будет стремиться всячески освободиться от него. Иногда собаки перегрызали ненавистный ошейник, запустив под него нижнюю челюсть, поэтому он должен был сидеть на их шеях не очень слабо, но и не очень туго. Большей частью ошейники делали из прядей манильского каната, они не растягивались и к тому же были достаточно крепки.

Ездили на собаках на нарте или дровнях при помощи ремённой сбруи. Дровни предназначались для перевозки зимой дров из леса и сена с места заготовок, доставки других габаритных и тяжёлых сезонных предметов. Сказывали, что двенадцатипудовый колокол для большой старой церкви везли именно на паре дровней, запряжённой двадцатью собаками.

Этот вид саней состоял из двух полозьев, трёх или четырёх пар копыльев с вязками, нащепы и поперечины. В основании копыльья имели по шипу, которые, входя в отверстие на утолщённой части полоза, удерживали копыльья в вертикальном положении. Копыльья скрепляли вязками, поверх которых накладывали пару нащепов. Полусогнутые передние окончания полозьев привязывали к поперечине, за которую и крепили всю упряжку. Эта часть полозьев удерживалась в полусогнутом рабочем состоянии при помощи притяжных ремней, шедших от них к переднему окончанию нащеп.

В отличие от трудяг-дровень изящно сделанная кутарная нарта представляла собой «выездные сани», на которых возили продукты с кошки, ездили за товарами в Гавань и на охоту. Таких вязков, долблёных возле перехвата копыльёв, как на дровне, нарта не имела. Три или четыре круглых поперечины с конусными концами входили в отверстия пары копыльев, которые, стянутые мокрыми ремнями, представляли собой основание каркаса будущей кутарной нарты.

Веслообразные копыльья в форме усечённой верхней части пера птицы в основании имели небольшой шишок, который, входя в отверстия на полозьях, вместе с притяжными ремнями, пропущенными через четыре отверстия на них и одно на копыле, придавал нарте устойчивость.

На поперечины, заменявшие вязки, отстоявшие от полозьев сантиметров на тридцать, накладывали пару тонких досок с отверстиями по внешнему краю, сделанными друг от друга на расстоянии примерно десяти сантиметров. Доски прижимали вязками и укрепляли ремнями, шедшими от одного копыла к другому, парному. На концы этих досок для соединения надевали по колпачку с такими же отверстиями, как и на ней, схожему с отрезком полусогнутого плинтусочка с углублением посередине всего лежащего гребня.

Над доской высотой около двадцати сантиметров на всю её длину к вершинам копыльев привязывались по реечке, опять же со сквозными отверстиями, смежными с доской. Задний колпачок, реечки и края досок, составлявшие стенки нарты, взаимно и зигзагообразно опутывали тонкими ремешочками, пропущенными через их дырочки.

Поверх реечек в задней части нарты, на третьей и последней паре копыльев под косым углом крепили лежащую «барандугу», также с дырочками. Просунутые в них ремешки опутывали всю эту конструкцию прежним способом, составляя второй этаж задней и двух боковых стенок нарты.

Концы передней части полусогнутых полозьев привязывали к такой же поперечине, как и на дровнях, но только более тонкой, и удерживали от выпрямления накинутым на них передним «бараном». Его концы притягивали ремнями к передним копыльям, это придавало полозьям жёсткость при повороте и прочность при натяжении. За центр изгиба привязывали упряжку сбруи.

Кроме лежащего и переднего к паре разносторонних передних копыльев привязывался так называемый «стоячий» баран, высотой до пояса стоявшего человека, предназначенный для управления нартой. Возле него сидел каюр. Он держался левой рукой за стоячий баран, а правой — за

оштол. Им, пропустив наконечником в снег между копыльями, можно было притормаживать или даже останавливать нарту при надобности.

Длина кутарной нарты равнялась, примерно, четырём метрам, ширина — сорока, высота около центра изгиба лежащего барана — восьмидесяти сантиметрам, грузоподъёмность — более пятнадцати пудов.

Как дровни, так и нарты изготовлялись из твёрдой берёзы и кожаных ремней без единого гвоздя. Кутарная нарта с ажурным плетением, гибкими полозьями, не имевшая жёсткого крепления, в пути по неровности была обтекаемой, достаточно прочной, относительно лёгкой, вместимой и совершенной при эксплуатации. Её отдельные части, изящно изготовленные и покрашенные масляной краской в разные яркие цвета, порою представляли настоящее произведение искусства. Такая нарта с разукрашенной упряжкой, оштелом с подцепленными к нему бубенчиками и побрякушками и впряжёнными в эту сбрую сытыми и хорошо вылинявшими собаками придавала всей повозке нарядность, а каюру, одетому в меховую корякскую одежду, лихо подкатывавшему к чужому двору, важность, вызывая зависть у нерадивых хозяев.

Второй непременной составляющей собачьей упряжки являлась сбруя, состоявшая из темляка, средников, потегов, алыков и металлических побужников, вертлюгов и колец.

Темляк — это прочный ремень с пришитым к нему на одном конце большим кольцом, куда продевался кляп вертлюга, к кольцу которого прикреплялись первое звено средника и пара коренных алыков с потегами и маленькими вертлюжками.

Большой вертлюг служил промежуточным звеном при соединении одного средничка с другим, а вертлюжок, потег с кольцом на среднике — ошейника с побужником. Большой вертлюг был устроен так. На большом кольце имелись два свободно передвигавшихся колечка и отверстие в его сплюсненной части. В отверстии во внутренней части большого кольца мог вращаться стерженёк со шляпкой, а с наруж-

ной — этот стерженёк, имевший форму полукольца, соединялся с ещё одним кольцом, на котором висел кляп.

Вертлюжок отличался от большого вертлюга тем, что имел двух свободно передвигавшихся колечек. Их пришивали к одному концу потега и к ошейнику. Они требовались для скорого соединения потега с колечком на большом вертлюге и ошейника с побужником.

Средник — это отдельные части центрального ремня, к которому посредством тегов прикреплялись алыки и составляли упряжку. На одном конце средника пришивался большой вертлюг, а на другом — большое кольцо с двумя подвижными колечками. При помощи средничков можно было удлинить или укоротить центральную часть сбруи на любую длину.

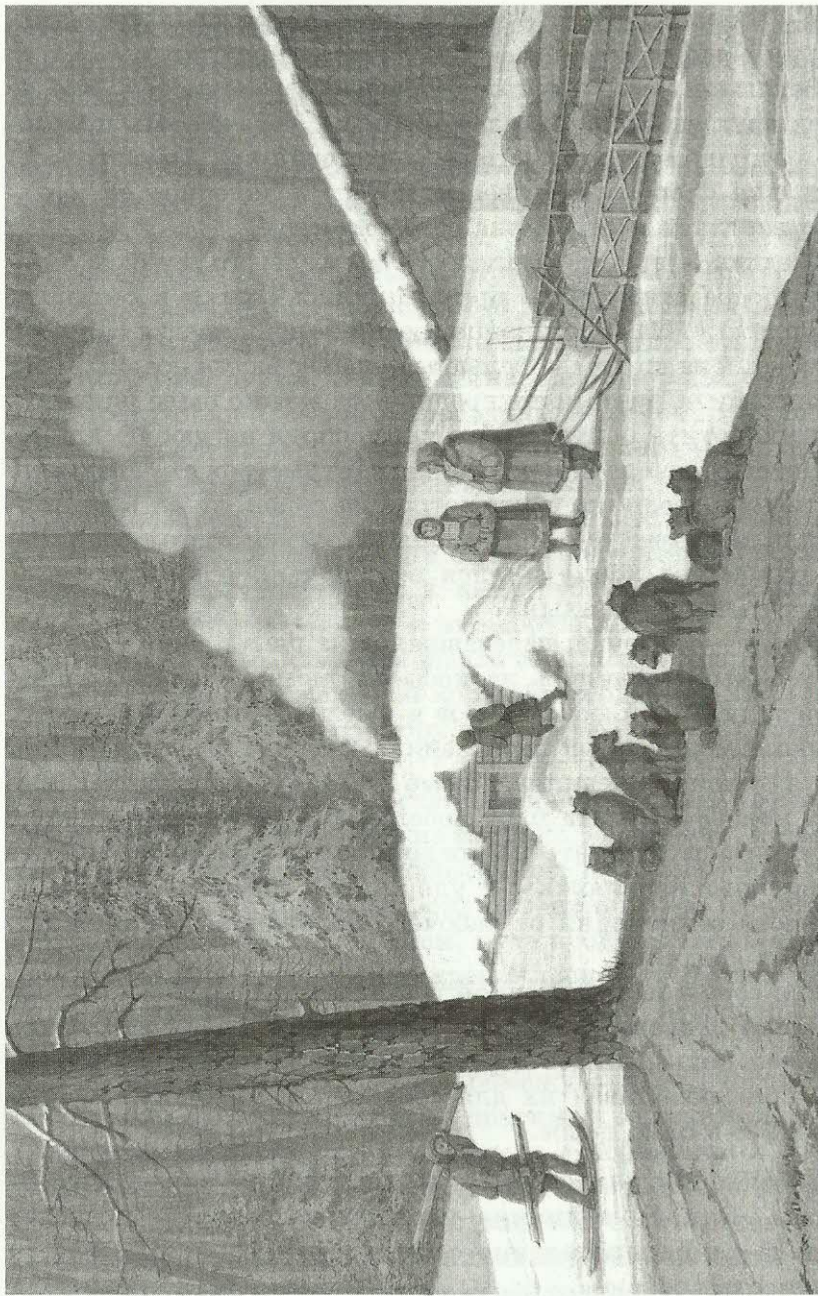
Потег — это ремешок длиной сантиметров сто двадцать. Он короче средника сантиметров на сорок, то есть на длину алыка и вместе с ним равнялся длине всего средника. На одном его конце имелся вертлюжок, а на другом — пришитый усами алык.

Алык — лямочка, надевавшаяся на шею собаки через голову. Алыки делились на косые и лямки. Лямки отличались удлиненной формой усов и имели, в отличие от косого алыка, две ремённых перекладины с одним подбрюшником.

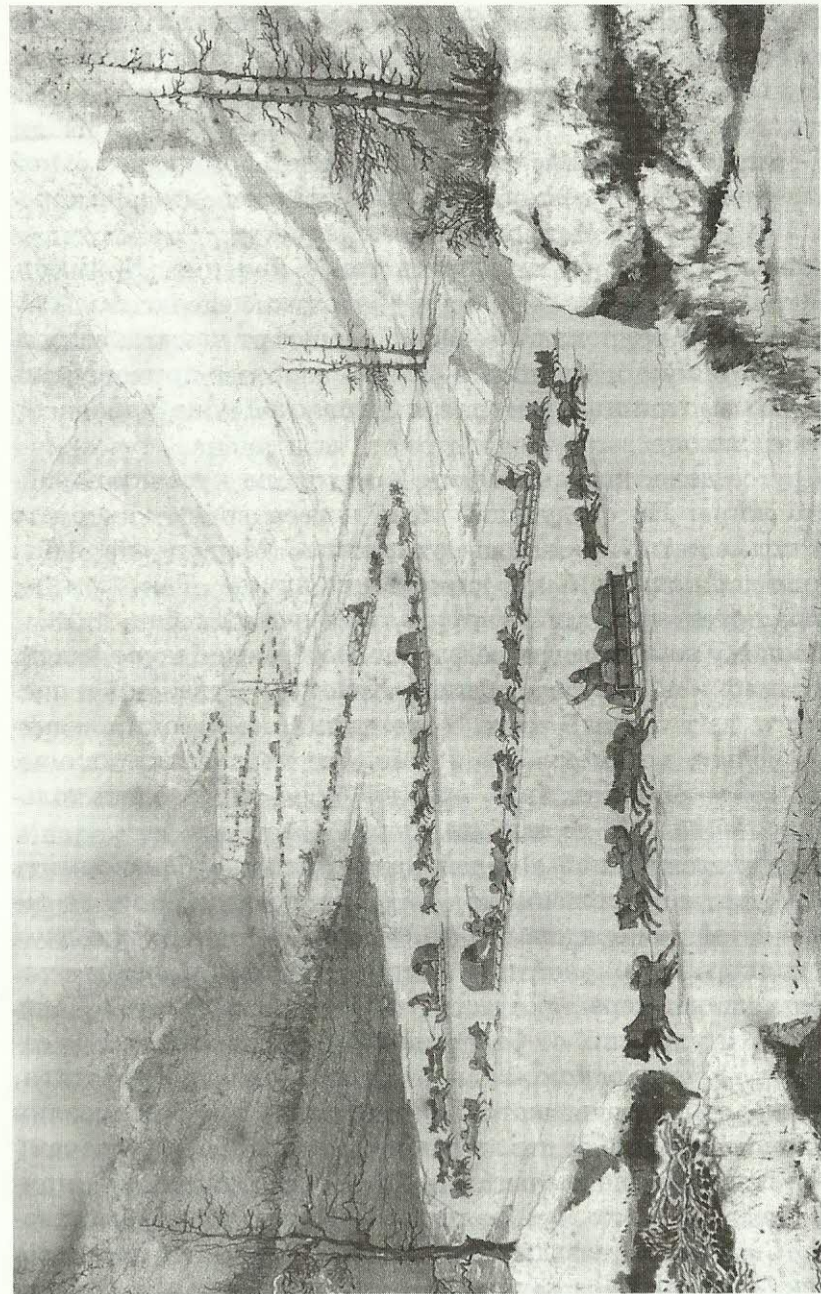
На кольцах средника, кроме упомянутых двух подвижных колечек, висела пара побужников. Побужник длиной сантиметров тридцать подсоединялся к висевшему на шее животного вертлюжку и удерживал собаку от нежелательного отклонения от рабочего положения соединённых звеньев средника.

Вся сбруя была ремённой и шилась жильными нитками из кожи медведя. До появления металлических вертлюгов и колец пользовались деревянными или костными кляпами, приспособляя их для соединения отдельных частей упряжки в одно целое.

Собак впрягали от семи до десяти при норме восемь-девять. Однако величина перевозимого груза, скорость езды и длина проделанного пути отнюдь не зависела от количества собак.

Ночёвка в зимнем лесу. Гравюра XIX века (из фондов КГБУ ККОМ)

Поезд на собаках в северной части Камчатки. Гравюра XIX века (из фондов КГБУ ККОМ)

Если про корову говорят, что у неё молоко на языке, то эта поговорка справедлива и для собак, с той лишь разницей, что у этого друга человека на языке не молоко, а резвость и сила.

Кормить одной «кислой» — это плохо, с придачей к ней свежемороженой рыбы — хорошо, куска мяса — очень хорошо, а куска жира — просто великолепно.

Мне приходилось наблюдать такое явление. Кормишь собак одной «кислой». Они за рабочую неделю так «замордуются», что пока отстегнёшь первую от цепи, доведёшь её до упряжки и накинешь алык, а потом приволочешь другую, смотришь: прежняя с упряжкой уже удрала на свою лежанку.

Другое дело, когда дашь им назавтра по кусочку нерпичьего жира. На следующий день четвероногих как будто кто подменил: упряжку не удержишь. Мораль тут одна: лучше держать меньше, да кормить лучше. Так, помню, и делал отец, никогда не впрягая более семи собак.

Всякому животному приедается однообразный корм, такой, например, как «кисла» собакам. Хочется их уважить и подкормить за тяжёлый труд. Подождёшь, когда они наедятся «кислы», возьмёшь, да и дашь им по кусочку ююлки. Назавтра — шалишь, брат, «кислу» будут употреблять только сильно жадные до еды, да и то не сразу.

Разумеется, одной ююлкой каждодневно собак кормить не будешь, её бережёшь для дальних поездок, но в то же время встаёшь перед таким фактом: после одного или двух раз подкормки ююлкой или куском мороженой рыбы они, черти, совсем перестают есть «кислу». Что делать? Дашь «кислу» и уходишь от балагана домой, показывая тем самым, что нынче лакомой еды не будет. Голодные работяги, конечно же, догадываются: раз предыдущие дни хозяин приходил затемно и давал любимое кушанье, так почему же он и сегодня не сделает этого? И, представьте себе, придёшь позднёхонько, они радуются, виляют обрубками хвостов. Смотришь, а заданный корм оказывается цел-целёхонек. Разозлишься и уйдёшь, ничего не давая, а сам по-

нимаешь, что без доброй подкормки бедным животным завтра будет ой как тяжело. Придёшь в полночь, глядишь, а «кисла»-то почти вся съедена. Возьмёшь, да и порадуешь их ююлкой.

Но если захочешь повторить это же самое завтра, то не удастся. Собаки до утра не притронутся к «кисле» и лишь только когда утром убедятся, что лакомства не будет, примутся за неё перед самым запряганием.

На сытых собаках ездить не рекомендуется, а вот при дальней дороге небольшую подкормочку сухой ююлкой делать надо. Собак, так же как и лошадей, после продолжительной и тяжёлой работы сразу не кормили, считая, что они могут «запалиться», то есть испортить здоровье, делаясь после этого худощавыми, малоработоспособными, с плохо обליнявшей шерстью.

Неезжалых годовых щенков запрягали вместе с собаками, работавшими уже не один сезон. Первые дни молодой кобель не только не хотел работать, но и противился бегу, поэтому остальные животные большую часть езды волокли его по снегу. Иногда ему попадало от его запряжённых сородичей, после чего он мало-помалу приучался и становился полноправным членом упряжки.

Повороту по команде будущих передовиков обучали обычно в паре с уже понимавшим команды вожакom. Если у каюра почему-либо не было передовика, тогда он учил послушного трудягу так. Командуя, скажем, «налево», каюр заходил с правой стороны всей упряжки с оптолом в руках и, повторяя команду, вынуждал будущего передовика свернуть влево. Вскоре требуемые команды усваивались, и животное становилось полноценным вожакom.

В старые времена хозяева команду «направо» заменяли словом «кахка», а «налево» — гортанным звуком «хохги». Впоследствии молодые люди переучили вожакoв, давая команды по-русски: «налево» и «направо».

Команду «ну-ка хей» усталые собаки, притворившись, что не понимают, выполняли неохотно, а вот команду «стой», или «стоп», повторять хитрецам не требовалось.

Самые ленивые собаки запрягались поближе к седоку и назывались «коренными». Менее ленивые пристёгивались к следующему звену средника и назывались «впряжёнными вчетвёртых». Третья пара хороших трудяг называлась «впряжёнными вшестерых» и так далее, сообразно степени усердия, вроде «восьмерых», «под передом». И, наконец, лучшая из лучших, ходившая впереди в жожаках, именовалась «передовиком».

Писанных или каких-либо установленных правил езды на собаках не было, каждый дрессировал их по своему разумению. Одни считали, что животных следует держать в строгости и если наказывать, то не ежеминутными ударами плети на ходу или размахиванием ею по случаю и без случая, а по возможности реже, но крепче. Может, это покажется читателю жестокостью. А что делать с нерадивыми тягловыми животными, особенно тогда, когда жизнь каюра, да и всей упряжки, висела на волоске? В дороге, на охоте и при перевозке, а также в непогоду ведь всякое бывало.

На мой взгляд, над содержанием собак и их эксплуатацией задумывались мало. Сучки случивались со случайными кобелями, от чего породность не поднималась на качественно новую ступень. В Озерной и Голыгиной на юге Камчатки, например, собаки были куда породистее, значительно крупнее и сильнее большеберцовых. Многовековая практика хранения рыбы для корма в земляных ямах далеко не отвечала требованиям производительности, предъявлявшимся к этим послушным и трудолюбивым друзьям человека. В результате содержание большого количества собак было делом обременительным для владельца, а малое число животных возлагало на них очень уж непосильную ношу.

В домашних условиях на собаках ездили зимой всего два раза в сутки: за сеном или дровами. Это правило четвероногие настолько усваивали, что если хозяину требовалось съездить в третий раз, они от этого упорно отказывались и, совершенно игнорируя команду, изо всей силы тянули дровни к балагану на отдых. Только настойчивость каюра и плеть на оштоле могли заставить их выполнить его волю.

Осенью, когда собаки, вдоволь належавшись за лето привязанными, были так нетерпеливы, что на них не только было опасно ездить, а и запрягать-то приходилось с большим трудом. Они, сытые, отдохнувшие, полные сил, визжали, гогосили и рвались с цепей к приготовленной сбруе. А когда каюр садился в дровни или на нарту, они так неслись по ещё малому снегу, что того и гляди, как бы по кочкам потроха седока не растерялись бы. Но по мере ежедневной езды пыл их спадал, они уставали, поездки им надоедали, и теперь собаки большей частью ходили в упряжке пешком или ленивой трусцой. Они проявляли резвость лишь после завершения работ, во время поездки к балагану. Тут ухо надлежало держать остро. Того и гляди натащут повозку на столбы балагана или, перевернув дровни по дороге к нему, протянут их по хребтине каюра. А то не диво и окровавленному седоку оказаться с перебитыми костями.

Такую же силу и настойчивость проявляли собаки при виде зайца, домашней скотины, зверя и человека или вообще чего-либо, отличавшегося от обычной обстановки на дороге. Людей они не кусали, а вот молодняк домашнего скота, сорвавшись с цепи, особенно летом, могли не только поранить, но и задрать. Этим, правда, занимался молодняк и сучки, нападавшие на пасущийся скот.

Уважавший себя хозяин никогда сучек не запрягал, ибо некладеные щенки затевали в упряжке на почве ревности постоянные драки, мешая езде. С этой целью их кастрировали, а попутно окорачивали им хвосты. Такую операцию мог совершить почти каждый. Делали её ранней весной, до появления мух.

В упряжке ценились «неймы». Эти собаки дичились человека, признавая лишь хозяина, кусая иногда приближавшегося постороннего и даже кормящего их. Они были очень работоспособны. Когда такая собака срывалась с цепи, её ловили, загоняя в глубокий снег.

При езде по уброду — глубокому снегу — тащить нарту, даже порожнюю, собаки были не в состоянии. В этом случае один или двое каюров, оставив нарты на попечение других,

надевали лыжи и шли впереди упряжек, проделывая глубокую колею, по которой брели собаки. Эти колеи иногда были настолько глубоки, что из них виднелись только кончики ушей животных да стоячий баран волочившейся ими нарты.

При езде по убойному снегу тундр, торным дорогам и по насту собаки бежали хлёстко и тянули нарту с меньшим усилием. По насту удавалось покрывать расстояние с небольшим грузом до восьмидесяти километров за день. Но такие дороги и целинные места при беге ранили подошвы лап четвероногих, и те становились неработоспособными. В этом случае для сохранения их в строю шили маленькие торбашишки, в которых они и трудились безболезненно.

На крутом спуске собаки тащили нарту с удвоенной силой, поэтому такая езда могла закончиться катастрофой. Во избежание этого на полозья привязывали цепи. Тогда спуск проходил благополучно. Иногда вместо этих предупредительных мер часть собак отпрягали, спускаясь с ними отдельно от нарты. При подъёме каюры соскакивали с нарты и, попуская собак, помогали им, толкая стоячий баран.

Зимой, когда снег оказывался сухим и потому некатким, полозья «войдали»: на их скользящую поверхность наносили тонкий слой льда при помощи «мохнашки» — клочка мохнатой шкуры оленя, смоченной в горячей воде. Когда горячей воды в пути не оказывалось, на войду мочились и тем самым выходили из крайне затруднительного положения.

При «некати», при налипании на полозья полуталого снега и при «разводе», когда полозья набухали, отчего их скольжение затруднялось, на рабочую сторону прибавляли или прикрепляли шурупами стальные или костяные подполозки, последние из которых, как я уже упоминал, изготовлялись из китовых рёбер. Иногда полозья оббивали белой жостью, которая, как и стальные подполозки, во многом уступала костяным.

При переправе упряжки собак с нартою следовало быть осторожным, особенно если это делалось на одном бате: нетерпеливые существа могли преждевременно выпрыгнуть

в воду и, перевернув неустойчивую долблёнку, сотворить великую беду.

Езда в пургу опасна. Однажды я, будучи подростком, взялся отвезти мать в район Озерновских рыбных промыслов. Путь шёл больше между морем и рекой по кошке, один из берегов которой встречался с обширной и безлесной тундрой. Ровный, бесконечно широкий и долгий припай на Охотском море тянулся по правую руку. Нас накрыла такая пурга, что мы не могли отличить не только шахму, но и поверхность тундры от снега на морском льду. Создалась угрожающая обстановка, так как мы совершенно потеряли ориентировку на незнакомой нам местности. Собаки могли затащить нарту на припай, который с отбойным ветром отнесло бы в открытое море и перекрошило, отчего мне с матерью и собакам предстояла долгая и мучительная смерть.

Ничего не оставалось делать, как положиться на чутьё наших преданных друзей, сплошь облипших снегом. Так мы ехали часа три, пока собаки не наехали на избушку с единственно торчавшей из-под снега трубой, с жившим в ней одиноким сторожем, охранявшим японский промысловый участок.

Подобных случаев, когда упряжка собак спасала каюра от верной гибели, можно было бы привести множество.

Сбрую и кутарную нарту следовало оберегать от собак. Они могли запросто объесть их ремни, да и удрать, почуяв свободу, иногда вдаль от жилья. Это могло стоить каюру жизни.

По торной дороге или насту упряжка в девять собак свободно тащила десять пудов груза с сидящим каюром, проделывая тридцать-сорок вёрст в день.

Собаки — существа ласковые и преданные человеку. Наказанное животное могло тут же ласкаться к обидчику, выручать его из беды, порою жертвуя своею жизнью. Они знали своего хозяина, и команде постороннего каюра подчинялись нехотя и не полностью или совсем отказывались.

Летом собаки отдыхали и отъедались, избегая есть свежую рыбу, предпочитая тухловатую. Сытые животные выедали одни головы. Летом их держали около самой воды или в непосредственной близости от неё, где они утоляли

жажду прямо из реки, а находившиеся вдали от водоёма пили из корыт. Корыта надлежало мыть чаще, очищая их от наростшей зелёной плесени, и укреплять, чтобы после ухода хозяина собаки не перевернули ёмкость и не остались без питья в жару на целые сутки.

На собак напал мор, проявлявшийся в виде чумы. При этом из носа выделялась густая гнойно-слизистая жидкость. Случалось бешенство и другие болезни. Их лечили, применяя к корму креолин, горючую серу и надрезали ухо, делая кровопускание.

Помню один год, когда бешенство напало сначала на лисиц, а потом на собак и даже коров. Утром бабы, первыми встававшие и выходившие на улицу, подбирали одну-две мёртвые лисицы. Бешеные собаки с пеною у рта и отвисшими хвостами бегали безостановочно, опустив голову.

Собачья служба человеку на Камчатке явилась одним из трёх краеугольных камней, которые помогли ительменам выжить среди суровой природы. Собаки в прошлом были той силой, которую можно приравнять к тяглу, использовавшемуся в других странах среди иных народов. Они привели человека к новой, высшей ступени жизни.

Условия Крайнего Севера, обилие здесь рыбы для корма ставили собак на юге и в центре Камчатки в исключительное положение, несравнимое с применением оленей, лошадей, яков, верблюдов, слонов и прочих животных, использовавшихся как тягло. Поэтому это домашнее животное по праву заслужило уважение. Его следует увековечить в виде фундаментальной скульптуры вместе с горбушей и батом на памятнике где-нибудь в городском парке Петропавловска.

Перескажу одну из многочисленных легенд о хорошей упряжке собак, столь желанной и дорогой сердцу любого каюра. На Камчатке жил некто Чуркин. Он знал какое-то слово, услышав которое его неважно выглядевшие собачишки обретали необыкновенную силу и резвость.

Выехал Чуркин из села часа на три раньше нарты с пологом, запряжённой двадцатью добрыми собаками, управлявшимися двумя каюрами, из которых стоял одной ногой

на лыже, а другой — на полозе, держась за стоячий баран. Они везли петропавловского начальника высокого ранга, укрывшегося в упомянутом пологе.

Вскоре они, не доезжая юрты, которых по дороге путникам встречалось не так уж мало, заметили Чуркина, маячившего со своей хилой упряжкой через большую тундру.

— Догнать его и обогнать! — крикнул проснувшийся от сна убаюканный качкой начальник.

Каюры звякнули побрякушками на оштоле, гикнули и, натёйкивая собак ободряющими возгласами: «Тёй, тёй, тёй, тео-о-о-ой!», мигом догнали и обогнали Чуркина, обдав его снежной пылью, летевшей от оштолов, буравивших снег промеж копыльев.

Чуркин подъехал к юрте на собаках, бежавших мелкой трусцой тогда, когда те трое уже заканчивали чаевать.

— Чего же ты отстал от нас? — с усмешкой спросил начальник. — Говорят, у тебя хорошие собаки, а я вижу одних опрелок?

Посмеялся он над его собаками и стал собираться в дорогу.

Опрелки — это собаки с облезшей шерстью. Нет ничего обиднее для хозяина, как намёк на это постороннего человека.

На такую просмешку Чуркин ничего не ответил, молча нарубил длинные вершины берёзовых веток и воткнул их комельками промеж всех пар копыльев, отчего нарта превратилась как бы в своеобразное помело.

Недоумеая о проделках Чуркина, те трое уехали, оставив обиженного каюра за едой. Вскоре позади себя на дороге они заметили полосу приближавшегося бурана с тучей снега, а когда это смятение приблизилось, все трое поняли, что их нагоняет упряжка с нартой Чуркина.

Чуркин, как сказочный Кощей пролетел мимо, вихрем опрокинул нарту с сидевшем в пологе начальником и поднял настоящую пургу, так занёсшую дорогу, что обидчики, встав на лыжи, трое суток потом преодолевали оставшиеся десять вёрст.

Вот каких собак имел Чуркин и как жестоко он наказал за обиду того самого важного начальника, который позволил себе насмехаться над его четвероногими!

ИЗГОТОВЛЕНИЕ БАТОВ И ХОДЬБА НА НИХ

Об изготовлении батов я, признаться, знаю мало, так как в Большерецке их почти не делали: поблизости не было нужного леса. Мастерством выделывания батов славились мужики из села Малки, расположенного километрах в восьмидесяти вверх по реке Быстрой. Они их делали в достатке для себя и на продажу в Большерецке, приплывая перед началом промысла рыбы на кошке, преодолев опасные заломы и спуски через высокие пороги.

Вместе с этим ходовым товаром малкинцы приплавляли берестяные туески, которые иногда были заполнены солёным диким луком, почему-то не росшим на большерецких лугах. Эти изделия, с большим вкусом скреплённые тончайшими ремешочками, по-своему прочные и не пропускавшие жидкость, в основном преподносились знакомым и друзьям в Большерецке как подарки.

За баты большерецкие хозяева предлагали муку, деньги и услуги в виде своего труда по доставке с кошки продуктов, которые приобретали малкинские рыбаки на промысле у Еновского. Чтобы продавцы были податливее, им перед началом торга ставили заранее припасённый спирт, после чего они добрели и покупателю бат доставался почти за бесценок.

Благополучное преодоление трудного пути, совершение удачной сделки, встречи с давними приятелями и угощения почитались у них в Большерецке за ярмарочный праздник после каждодневного труда, поэтому они вели себя разгульно до самого последнего дня тяжкого похмелья и отплытия на заработки к рыбным промыслам, где их ждал тяжёлый месячный труд.

Наилучшими стволами для изготовления батов считались тополёвые, имевшие однородную древесину. Ветловые лесины, хотя и были прямоствольными, но всегда «облупистыми», то есть имевшими сердцевину, которая при просушке бата могла попросту отколоться.

Изготавливали баты, как мне представляется, следующим образом. От срубленной лесины отрезали сутунок длиной

семь-восемь метров. Топором, а главным образом теслом, вырубали внутри него возможно больше древесины, стараясь избавиться от лишней тяжести. Выделка начиналась с проделывания минимально узкой щели, по мере работы увеличивавшейся вглубь и вширь, сообразно контуру сутунка. Это было нужно для того, чтобы максимально сохранить древесину по всему неполному периметру окружности, от чего в будущем зависели высота и ширина бата.

В местах будущей кормы и носа делали стёсы, и такой полубат привозили или приплавляли к жилью. Здесь его просушивали на вольном воздухе и обрабатывали, приближая толщину стенок к нужной величине. Вся эта работа происходила при помощи распорок, которыми систематически и понемногу расширяли борта бата.

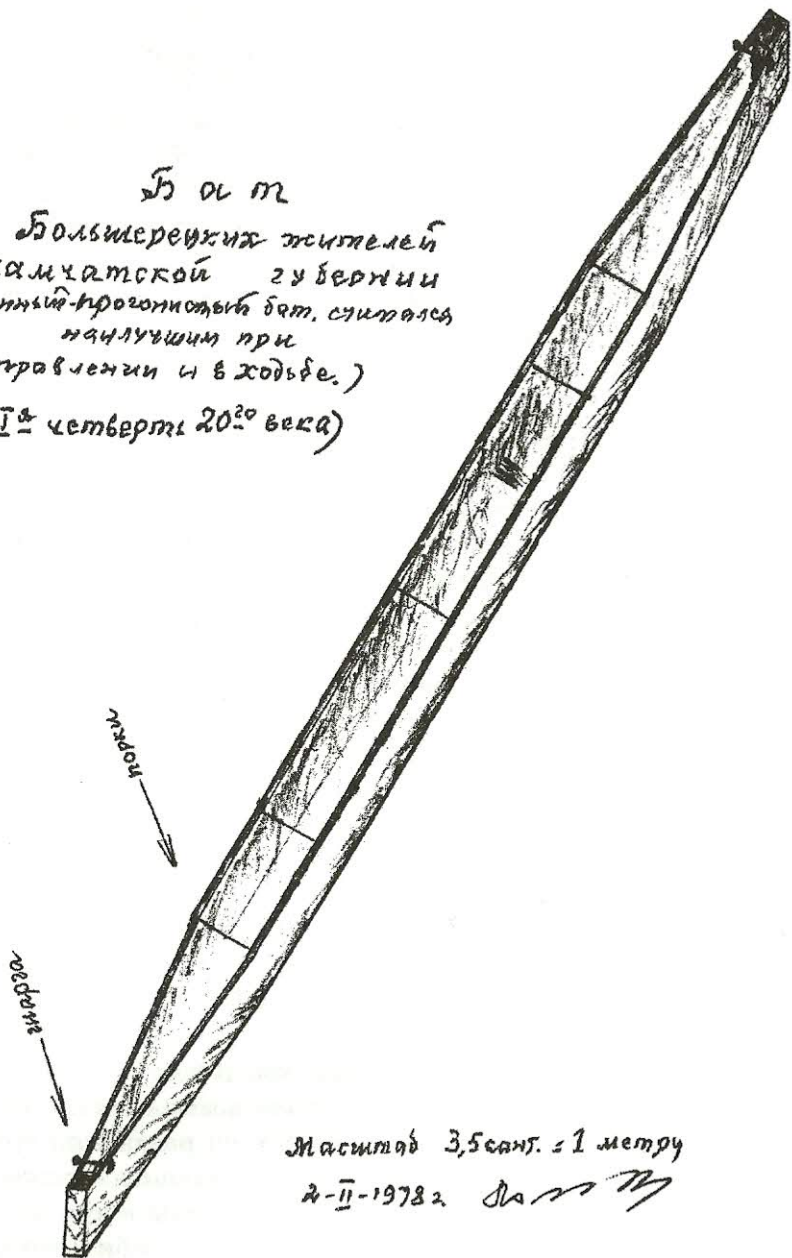
Когда толщина стенок и дна приводилась к норме, а её измеряли не кронциркулем, а при помощи просверлённых сквозных отверстий, тогда долблёнку заполняли водой и разогревали её до кипячения, при помощи опущенных раскалённых камней.

Распаренный бат расширялся до предельной возможности и, просушенный, с двумя шаргами на корме и носу и несколькими распорками был готов к эксплуатации. Шарги просовывались с самого раннего этапа работ, оберегали бат от раскалывания во время расширения и являлись неизменными частями до достижения полной ветхости.

Изготавливали бат не менее двух лет. Спешка с расширением могла закончиться катастрофой, так как он мог дать такую трещину, после которой не помогал никакой ремонт.

За отсутствием красок, а вернее из-за их высокой стоимости, баты не красили, поэтому они за лето набухали водой, становились тяжёлыми и неходкими. Когда на них не плавали, то вытягивали на сушу, давая возможность хоть немного просохнуть. Чтобы зимой бат не раздавило снегом, его хранили на высоких лёжках, придавливая тяжестью. Это делалось для того, чтобы большой силы ветер не опрокинул и не сбросил бат, и тем самым не разбил это самое дорогостоящее и нужное из нужных приобретений.

Бат
 Большемерных жителей
 Камчатской губернии
 (Длинный-прогономный бат, считался
 наилучшим при
 управлении и в ходьбе.)
 (I^я четверть 20го века)

Масштаб 3,5 см. = 1 метру
 2-II-1978 Д. М. М.

Бат (рисунок автора)

Трещины в батах заделывали при помощи пакли, жгутиков из прядей веревок, пропитанных смолой или краской, и оббивая жостью. Иные хозяева обрабатывали трещины мхом, смешанным с икрой, и заделывали их деревянной планкой при помощи шпунтиков. Этот способ ремонта считался наиболее надёжным и долговечным.

На бате средней величины с подъёмной силой в тридцать пудов при встречном и довольно быстром течении делалось до тридцати вёрст в день. Непременным инвентарём при плавании было весло, а при ходьбе — шест длиной метра три, в зависимости от водной обстановки.

Парусом на одном бату не пользовались, так как он, неустойчивый, мог перевернуться. Они были настолько вёрткие, что неопытный человек не мог в нём устоять даже на одном месте. Два спаренных бата представляли собой катамаран, были очень устойчивые, и на них можно было плавать по тихим водам под парусом. Обычно на бату «пехались» — толкались шестами — двое. Один, наиболее сильный и опытный, стоял на корме, работал и правил. Носовой батовщик содействовал кормовщику в управлении и помогал ходу бата.

Навык ходьбы на бату вырабатывался с малых лет, когда ещё мальчишке каждодневно приходилось выполнять какую-либо работу, связанную с этим, в общем-то, опасным на ходу судёнышком в тиховодных и мелких речушках.

Трудно описать все нюансы ходьбы на бату, их можно только познать на практике, но, пожалуй, начинающему важно помнить, что носовой батовщик не должен был «пехаться», ставя шест в воду под большим углом к груди. Нужно было шест ставить в воду и провожать его усилиями рук параллельно ходу бата, придав своей фигуре изгиб в пояснице под углом девяносто градусов.

При несоблюдении этого неперемного правила, которое нарушали все, без исключения, двое начинающих батовщиков далеко не уйдут, измучаются и переругаются, а на худой конец и набедаются. Начинаящих плавать ждало много неприятностей и опасностей из-за сложных ситуаций, встречавшихся в пути.

При наличии многочисленных водных преград и тех занятий, которые обеспечивали ительмену нормальную жизнь, трудно вообразить жизнь первобытного жителя Большерецка, да и моих родителей и земляков без бата. Она просто была бы невозможной.

Ведь при помощи бата добывали рыбу, промышляли зверя, доставляли материал для строений и поделок инвентаря. Он наравне с ездовыми собаками служил средством общения между людьми, доставки продуктов и товаров с рыбных промыслов на кошке. Поэтому его и следует отнести к одной из тех трёх краеугольных основ, на которых в прошлом жила жизнь многих и многих поколений ительменов.

ЗАБОТЫ РАЗНЫХ ВРЕМЁН ГОДА

К какому сословию относились мои большерецкие сородичи, ответить затрудняюсь. Знаю, что основой их существования была добыча рыбы, охота и заработок на рыбных промыслах. Выход продукции рогатого скота не был товарным. Они, мои земляки, до прихода советской власти никаких налогов не платили и все в равной степени не так уж много пользовались социальными благами. Встаёт вопрос: какую же они приносили отечеству пользу?

Их жизнь, как и всех народов Камчатки, протекала на самой крайней границе востока нашей родины. Эту землю заняли их дальние предки, а они, продолжая жить там в содружестве с российским народом, оберегали её от чужеземных посягателей и причём не раз.

Так вот, сообразно их занятию и возникали у них в разное время года многочисленные заботы, о которых частью я уже упоминал. Были они у мужчин, женщин и подростков следующими.

Осенью мужчины с ходом гольца и кижуча занимались их заготовкой. Они же тогда ремонтировали и сбрую для езды на собаках, нарту и дровни, готовя снаряжение для предстоящей охоты на пушного зверя. Иногда мужчины выезжали в хребты на промысел оленя. По приезду оттуда

заготавливали дрова и подвозили сено с таким расчётом, чтобы семья ни в чём не испытывала недостатка.

У женщин работы по дому всегда было навалом, особенно по шитью торбасов и одежды, да ещё перед началом охотничьего сезона. Приходилось сучить помногу жильных и крапивных ниток, приносить из проруби воду. Порядком наработавшись, ложились поздно, а вставали чуть свет.

У детей наступало время учёбы, по дому они помогали пилить, колоть и носить дрова, отпрягать и запрягать собак.

Зимой мужчины активно промышляли пушнину, в большинстве надолго уезжая в лес.

Под конец зимы, после завершения охотничьего сезона, глава семьи обычно ездил на север к корякам за оленьим мясом и выделками из кожи. Там за дешёвые подарки выменивали у оленеводов всё, что те могли предложить, а именно: рукавицы, наколенники, чижы, камасы, чупахи, малахай, дублёные парки и куклянки. Это была не торговля или обмен товарами, а, скорее, сведение и продолжение приятельской дружбы, в результате чего оба таких лица назывались не иначе, как приятелями.

Коряки были очень отзывчивыми на подлинную дружбу, которую они весьма ценили. Иногда кочевник, заметив понравившуюся ему вещь, мог, не спрашивая хозяина, взять её, к примеру, нож, добрую собаку или ещё чего-либо, и в этом случае перечить ему не следовало, иначе дружбе наступал конец.

Для «укрепления» дружбы, особенно только начинавшейся, иногда привозили в стойбище спирт, которым надлежало угощать всех, от мала до велика. На следующее утро похмельные кочевники использовали каждый свою мочу как выпитое накануне вино, полагая, очевидно, что прежние его свойства сохранились и никуда из тела человека не ушли. Это они проделывали не только со своей мочой, но и выпрашивали у приезжего приятеля, что вызывало у их большерецких друзей немалое отвращение.

Вернувшись из этой поездки ранней весной, хозяин снова пополнял домашние запасы сена и дров и уезжал в Гавань, где продавал добытую пушнину и приобретал необходимые

товары, привозя членам семьи гостинцы. С последним настом он подвозил дрова на всё лето, выходил на ловлю появившихся весной гольцов и приступал к изготовлению или ремонту запоров и снастей. Женщины в это время ухаживали за стельными коровами.

Весеннее время до Петрова дня, 29 июня, уходило на отстрел прилётных уток, установку запоров на красную и чавычу и промысел их сетями. Переставив запоры для лова летней рыбы, оставив их на попечение подростков, мужики уплывали на рыбные промыслы к кошке возле устья Большой реки.

Проводы и расставание промысловиков с домочадцами происходили торжественно и шумно. После небольшого праздничного стола мужчины разных семей, спаровавшись батами, садились в них и выплывали на Манаковую. Их дальнейшее плавание сопровождалось дружной пальбой из винчестеров, в результате среди домашних животных поднималось такое беспокойство, что собаки срывались с цепей, коровы, задрав хвост убегали, как сумасшедшие, а жеребцы угоняли своих кобыл подальше в лес.

Стрельба открывалась на счастье и должна была знаменовать рунный ход кормилицы-горбуши, а с ней и хороший заработок на промысле. Настроение у всех было приподнятое, а у нас, мальчишек, до того радостное, что мы, босоногие, долго гнались за уплывавшими вниз по реке Манаковой паромами, до тех пор, пока река Быстрая не преграждала нам путь.

По дороге к промыслам Еновского и другим рыбаки заготавливали сухостой, приплавливали его к кошке, где использовали на костёр для приготовления пищи. Начиналась пора тяжёлого ежедневного труда, длившегося весь световой день.

После этого в разгар лета наступала новая страда: пора заготовки корма собакам и пропитания себе, на которой трудились от мала до велика, иногда кушая около балаганов, не уходя в избу до позднего вечера.

Не успевали завершиться работы по запасам кормов, как следом приходило время сенозаготовок, которым и завершался цикл забот по различным временам года, изложенный мною весьма кратко и в основном.

ИГРУШКИ, ДЕТСКИЕ ИГРЫ И ЗАБАВЫ

Дети обзаводились игрушками и играли в такие игры, которые были свойственны занятиям взрослых в процессе их труда. Никому и в голову не приходило тратить деньги на приобретение «безделушек» для игр детей. Они сами вырезали из дерева собачек, батики, мастерили лыжи, маленькие дровеньки для катания, лук и ложе со стрелами, приобретаемая навык работы с топором и ножом.

Из ветловых прутьев вязали лошадок, делали для них из половинок катушки сёдла и увязывали игрушечные выюки. Из отрезков бамбука, привезённых с кошки от японских промысловых участков, сооружали пушечки-водомёты. Шили игрушечную сбрую для езды на собаках, а девочки — так и торбасишки для кукол, приучаясь тем самым к работе с иглой по коже.

Взрослые со знанием дела мастерили для детей кукол, сшивая их из тряпок, наряжая в длинные платица с фартуком, а кукол мужского пола — в штанишки и торбасишки, с кепочкой на голове. Куклам нашивали цветными нитками глаза, рот, нос и уши.

Летом излюбленными игрушками были окатанные водой камни разной величины, заменявшие детям в играх диких и домашних животных.

Среди игравших высоко ценились цветные осколки битого фарфора, куда раскладывали «изделия» из земли. Эти «ценинки» часто выкапывались из-под земли на бугре, у которого стояла дедушкина стайка. О таинственном происхождении упомянутых ценинок ниже приведу свою догадку, которая, возможно, поможет обнаружить место расположения первого острога в Большерецке.

Куклы делали также и из метёлочки — веточки кедровника и чемерицы. Для этого подрезали верхушки иглок у метёлочки, также как и макушку чемерицы, отчего они после напяливания одежонки превращались в куклы. Будучи поставлены на стол, при постукивании по нему они изображали пляшущих баб.

Играли в городки, шарики, лапту, прятки, камешки, коней и быков. При игре в шарики требовалось концом палки загнать шарик в ямку, которую с палкой в руках охранял «вратарь». Если шарик попадал во вратаря или тот пропускал его в ямку, его игре наступал конец, он выбывал из партии. При игре в камешки их подкидывали и ловили по отдельности в разных количествах, выполняя в общей сложности семь «фигур».

Мячи дети делали сами из губки, росшей на талине, и из шерсти, скатанной в клубок.

Большое удовольствие ребятишки получали зимой при катании на куске кожи или другом ином предмете с сумёта — сугроба. Сумёты надувало сильным восточным ветром во время пурги. Они возникали по законам сыпучих тел от перемещения потоков воздуха между двумя стенами, параллельно стоявшими в недалёком расстоянии друг от друга. Сумёты поднимались чуть ли не до конька на крыше. В их центре дети проделывали ходы и устраивали игрушечные жилища, обставляя их изнутри «домашней» обстановкой.

Иногда мальчишки ловили вольниц и катались на них, подражая взрослым какурам или сами, изображая собак, впрягались в их сбрую.

Такие игры и забавы проходили на морозном и вольном воздухе, были активными, и потому, когда после ужина перед сном полагалось читать: «Богородица, дева, радуйся...», усталый и полусонный мальчишка, не желавший совершать молитву, частенько для отрезвления получал оплеуху.

Весной, после утреннего присмотра за привязанными собаками, ребята дружной ватагой отправлялись удить гольчиков закидушками, наживлёнными на крючках икрой. Ловили больших гольцов, а также микиж и хариусов.

ЛЕСА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

По берегам большерецких рек больше всего росло тальника. Из его молодых стволиков собирали части заповоров, городили изгороди, рубили корбасины, а самое главное —

употребляли на шесты и поделку лыж. Весной, когда наступала бескормица или приедалось сено, скоту привозили ветки тальника, поедавшиеся им с большой охотой.

Древесина тальника — белая, однородная, в обработке мягкая, лёгкая и по-своему прочная. Просохшие дрова из него были незаменимы летом, так как они не давали большого жара и горели длинным пламенем.

Ранней весной на стволе молодых талин, особенно около комля, между древесиной и корой образовывался небольшой слой сладкой и весьма приятной желеобразной массы.

Ольха отличалась от тальника строительными качествами в худшую сторону. Она была более хрупкой, её высокие и прямые стволы не годились для стен жилых строений, так как при высыхании растрескивались.

Имея почти оранжевый цвет древесины и кору морковной окраски, эта порода леса была весьма необходимой в хозяйстве. Из её коры приготавливали дубильный экстракт, который в смеси со сходами наждачного точила делал кожу непромокаемой, устойчивой к носке в сырость и чёрной, как сукно.

Брёвна из тополя привозили издалека и строили из них жилища.

Высокая и стройная ветла из числа молодых деревьев частично шла на строения. Очищенное лыко от коры этого дерева употреблялось для изготовления верёвок и в прошлом, до прихода россиян, очевидно, являлось единственным материалом, из которого вили канатики.

По непонятным причинам, как и кедры на Дальнем Востоке, целые плантации ветлы гибли на корню, являясь, таким образом, поставщиком населению добротного сушняка, использовавшегося как дрова.

Для большерецких жителей бесценной была древесина берёзы. Там, где требовалась прочность, гибкость и твёрдость, она была незаменима. В воде берёза плавала полузатопленной, отчего выстроенный из неё в 1739 году первый морской бот «Большерецк», который вместе с другими судами совершил плавание в Японию, немало поразил тогдашних строителей и моряков своей необычно большой осадкой.

Высокая и прямоствольная берёза годилась на телеграфные столбы, но для стен строений её не употребляли, так как при высыхании она настолько «сводилась», что не диво было сооружению и развалиться.

У берёзы, достигавшей более двух охватов, да и у лесин меньшей толщины была толстая и слоистая кора, хорошо снимавшаяся топором. Она с большой отдачей тепла использовалась как дрова в каминах, а особенно на охоте и в костре. Белые берёзы не были такими ширококронными и столь высокими.

Кедровником-стлаником не пользовались, так как поблизости он почти не рос.

НАСЕКОМЫЕ И ГРЫЗУНЫ

Назойливость мошки, мокреца и комара, наверное, знает каждый. Большерецкий комар отличался от известного мне, водившегося в Хабаровском крае. Он был гораздо мельче материковского, летал не так кучно и нападал на живое существо не так зло и решительно.

Прежде чем ужалить, большерецкий комар долго витал и тянул своё «и...и... и-и-и» около обнажённой части тела. Ближе к устью Большой реки гнуса становилось меньше, он был менее активным, а на кошке и вовсе отсутствовал.

О том, что моль поражала одежду, возможно, не знали. Мало было шерстяного, поэтому это насекомое серебристого цвета не уничтожали, так как принимали за «божью уточку».

Бабочек было не столь уж много, как на материке, и по количеству, и по разновидности. Их, наверное, следовало отнести к мотылькам.

Большие пауки не попадались ни в лесу, ни в жильё. В избах водились маленькие паучки, называемые «мизгирами».

Кроме редко встречавшихся блох, бытовали клопы, одолевали тараканы. Эти рыжие с длинными усамы насекомые гнездились в щелях под обоями и обивкой из ситца.

Зимой, с наступлением стужи, когда мужики уезжали на охоту, хозяйка, натопив жарко печь, открывала настежь две-

ри. Всей семьёй уходили к соседям. Выманив, таким образом, эту нечисть из укрытий к печке, морозили их и, сгребая в посуду, уничтожали. Через некоторое время оставшиеся незамеченными тараканы оттаивали и заводились снова, и никакой порошок буры не спасал от них жилище. Они ползали в церкви, в оштукатуренном доме пристава и школе.

Огромный вред приносили большие зелёные мухи. Из их «плевков» выводилась масса белых червей, уничтожавших юколу так, что буквально могли привести хозяина в части кормов в разорение. При влажном и сравнительно прохладном климате многочисленная валявшаяся по земле горбуша разлагалась медленно, поэтому мушиные черви выполняли роль санитаров.

Не менее ощутимый вред приносили крысы. Этих отвратительных существ прежде не было. А появились они, сказывали, в мою детскую пору в связи с приездом священника Нежинцева, который привёз их в сундуке с продуктами с материка. Может быть, это и так, но я полагаю, что они были завезены, скорее всего, в Гавань, а уж оттуда распространились по всей Камчатке.

К каждому живому жителю Большерецка имели жалость и убивали его лишь при нужде, поэтому сначала с крысами не боролись, принимая их за безобидных «зверьков». Но когда грызунов развелось множество, и люди поняли их вредность, стало уже поздно. Эти наглые твари в поисках пищи летом покрывали большие расстояния, преодолевая широкие водные пространства, кочуя от жилья к жилью, проделывая десятки километров по безлесным тундрам. Они запросто прогрызали стены и полы строений, сооружённые в основном из мягкой древесины, уничтожали не только продукты, но и кожаное снаряжение.

Приходилось наблюдать за жизнью их колоний, разместившихся в крутом яру около воды. Эти существа, ныряя под воду и плавая на поверхности, охотились за мальками и нападали на небольших рыб.

Мыши служили отменным кормом для лисиц и соболя, водились вне жилых строений и в достатке. Они не причина-

ли вреда человеку. Но в один год их появилось так много, что эти сравнительно безобидные грызуны иссекли всю траву на покосах, чуть не оставив скот без сена. Тогда встречались мыши разных мастей. Я лично видел зверушку с крестиком на спине возле лопаток, среди словно бы подпалённой шерсти.

Лягушек и змей не было. За змею принимали вьюна.

ВЕРА В НЕЧИСТУЮ СИЛУ

Признавали колдовство, хотя колдунов как таковых в Большерецке, да и в соседних сёлах не знали.

Кроме нечисти, принятой среди людей христианской веры, мои сородичи верили в существование чисто ительменских духов, как-то лесачиху, кутху и апапель.

Лесачиха жила в лесу, кутха — в избе под печкой или под крышей между потолком, а вездесущий весельчак апапель мог обитать в тундре, на берегу возле реки и в лесу, словом, присутствовал там, где был человек, когда находился вне жилья. Их внешность, действие и назначение, полагаю, читатель определит сам, прочитав нижеследующие рассказы.

Зимой среди двух гряд сопок на окраине леса около тундры заночевал одинокий путник. Он лежал, укрывшись в кукуле на нарте среди распряжённых собак. В полночь его разбудил визг и тревожный лай собак, почувствовавших недоброе. Высунув голову из заиндевевшего входа в кукуль, каюр увидел вдали женщину, шедшую при полнолунии по тундре от одного подножья сопки к другому. Ночная путница, одетая в белоснежную куклянку, на ходу расчёсывала длинные волосы, из которых так и сыпались крупные искры. Видно, она хотела заманить понравившегося ей мужчину, после чего, Бог знает, что с ним могло бы случиться. Зная это, наш ночной свидетель не поддался её соблазну и впоследствии благополучно вернулся к своей жене.

Это рассказал мне один из жителей Большерецка, уверяя, что упомянутое действительно произошло с ним.

Кутха представлялась наподобие обезьяны. Она мирно сидела, дожидаясь лакомых угощений. Если они ей нравились, то могла оставить порожнюю посуду заполненной драгоценностями, сообразно количеству и привлекательности угощения. А если пища приходилась не по вкусу, то она творила козни против хозяев.

Мы, дети, кутху очень боялись. Ею взрослые нас частенько стращали за баловство. Кутхе присваивалось иногда другое название — «суседка», искажённое слово «соседка».

Надо заметить, что как дети, так и взрослые охотно слушали рассказы о проделках колдунов и других злых духов, принимая их за истину, поэтому вера в Бога нередко отступала далеко на задний план.

Апапель как большой затейник и шутник, сопровождавший в пути охотника и рыбака, уважался. Он мог, шутки ради, припрятать какую-нибудь вещь на станове и напомнить путнику о ней только тогда, когда тот уже далеко отъезжал с прежнего места. Теперь натешившийся апапель отставал от объекта своей шутки. Он также затуманивал голову охотнику, подолгу блуждавшему в лесу. Вдруг ранее хорошо известные путнику места становились незнакомыми, реки казались текущими в противоположную сторону. Словом, водил человека этот мохнатый, безрогий и двуногий зубоскал «возле и около», а когда нашутился, отпускал с миром.

Вот что я слышал про случай на охоте, приключившийся с моим отцом и его напарником, рассказанный перед смертью моему старшему брату. Это произошло в вершине реки Каначевой в непосредственной близости от пирамидальной горы Опальской, большей частью покрытой снегом, при следующих обстоятельствах. Привожу рассказ от лица напарника.

«Покрыв за три дня около сотни вёрст от устья Каначевой, к вечеру последнего дня мы совсем приблизились к сопке Ипильке, откуда, как на ладони, виднелась Опальская гора.

Наскоро поужинав и поставив палатку, легли спать, каждый в своём кукуле, надеясь утром обнаружить оленей на тундре. Вдосталь наработавшись за день, отец сразу же заснул, а я, возбуждённый событиями последних дней и предстоящим

утром, не спал, переворачиваясь с боку на бок. Кругом стояла непроглядная тьма и мёртвая тишина, так что временами я слышал бульканье лопнувшего пузырька с воздухом, испускавшегося иногда умиравшей в воде рыбой.

Размышляя о делах предстоящего дня, почувствовал лёгкий шорох возле бата, опрокинутого около воды. Осторожно спустившись с яра на песок, не заметив ничего подозрительного, я напился освежающей воды и вернулся в палатку.

Вскоре, услышав характерный шорох листьев жухлого шеломайника и шелест сухой травы от осторожно приближавшегося существа, я замер от страха. Толкаясь шестью по реке, мы нигде не видели свежих следов медведя. Утолки иссохшей растительности подсказывали, что зверь ушёл отсюда давным-давно, а олень около реки в лесистой местности никогда не водился, предпочитая открытую тундру.

Между тем шорох приближался, и я, покрывшись испариной пота, тихонько локтём толкнул соседа. Тот прекратил храпеть, поднял голову и, прислушиваясь, замер. Когда невидимка, задержавшись против палатки, словно руками стал ощупывать её и пальцами водить по полотну, отец громко крикнул:

— Кто?

В ответ послышались поспешные удаляющиеся шаги, шум стал затихать.

Через непродолжительное время, теперь уже оба не спавшие, мы снова услышали то же, что и в первый раз. Схватили, не сговариваясь, винчестеры и стали ждать. Я, осеняя себя крестным знамением, прочитал "Отче наш", прося у Бога спасения и ограждения от злого духа.

После того, как чудище снова начало проделывать прежнее, мы раздвинули полог палатки и дружно пальнули вдогонку по направлению удалявшегося топота ног и шума.

— Попали, попали! Слышал, как захарчел! — воскликнул отец. — Строгай стружки, пойдём следить, а то мясо до утра протухнет.

Поставив курки на взвод, вошли в начало тропы, вооружённые винчестерами, шестом для раздвигания раститель-

ности и горящими стружками для освещения тропы. Сразу же заметили кровь.

Освещая и раздвигая шестом густые дудки шеломайника, высотой со всадника на лошади, шаг за шагом, исследуя растительность, мы продолжили путь, готовые в любое нужное время пристрелить неизвестного зверя.

Эта дорога, сравнимая с восхождением библейского Иисуса Христа на Голгофу, показалась мне вечностью и полной животного страха.

Наконец, саженьях в двадцати от палатки возле берега сухой проточки, занесённой дресвой, заметили что-то тёмное, а когда приблизились, то увидели непонятное существо.

Это был человек с длинными волосами на голове, раскиданными по плечам и спине. Густая и такая же чёрная, но короткая шерсть покрывала всё туловище, руки, лицо и ноги.

Мой спутник концом ствола винчестера брезгливо перевернул труп на спину, и тут я увидел, что это была особь женского пола. На пальцах её рук и ног выступали не очень длинные, но довольно толстые ногти.

— Пойдём за вёслами, надо её закопать, — тревожно предложил отец.

Когда дело было сделано, не дожидаясь утра, мы сняли палатку, погрузили скарб, столкнули бат на воду и, не обнаружив пары вязанок уток, в непроглядной тьме поспешно поплыли от этого проклятого места.

Вечером на становье, где оставалась поклажа, состоявшая из туши убитого медведя, я осторожно спросил отца:

— Мы апапеля убили?

— Что ты болтаешь! Человека убили, вот кого!

Он спокойно вытянул из кармана штанов колтон, положил щепоть табака за губу и сплюнул слюну на землю.

— А почему он мохнатый и вообще странный?

— Сказывают, такие от Опальской сопки приходят, но ты никому не говори, что мы человека убили, слышишь, а то нас обоих в острог на вечную каторгу сошлют. Побожись, что ты никогда и никому про этот случай не расскажешь!

Я испугался и со всей серьёзностью в страхе произнёс:

— Ей Богу, я никогда и никому не скажу, что мы убили человека.

— То-то же, помни да не забывай, — назидательно предупредил отец».

Прочитав это, каждый может, упрекнув меня, сказать, что это «охотничьи побайки».

У нас не было привычки про такие серьёзные дела, как охота, говорить неправду. Таких людей презирали, обзывая их «врачунами» и «бахвалами», поэтому этот коротенький рассказ произвёл на меня большое впечатление.

Будучи уже зрелым мужчиной, я пытался узнать у брата детали, звал его в те места, но он ничего не смог дополнить и не пожелал сплавить туда. Я же всё ещё нахожусь под впечатлением той тревожной ночи, которую довелось провести отцу с его компаньоном. Колеблюсь сказать, была ли это правда, боюсь поверить, думая, не была ли та навязчивая особа «снежным человеком»?

О КЛИМАТЕ И НЕКОТОРЫХ РАСТЕНИЯХ

Гром в Большерецке был редок и глух. Он слышался где-то в отдалении, а молнии возникали в виде шарообразных вспышек вблизи поверхности земли.

Родители рассказывали, что прежде летом было жарче, а зимой — настолько морозно, что сороки и вороны падали в полёте, а слюна при плевке на лету смерзалась в бусинку.

Весной к закату солнца на Охотском море поднимался густой туман и продвигался к Большерецку, покрывая всю местность мглой. Держался он чуть ли не до обеда следующего дня. Когда уносился в небо и собирался там в кучевые облака, а после таял, небо становилось чистым-пречистым и тёмно-тёмно-голубым с дневным светилом, не столь уж частые лучи которого спешили поглотить зелёные растения.

Иногда туман был настолько густым и непроницаемым, а колебания воздуха оказывались так ничтожно малы, что из этой насыщенной массы выпадали осадки в виде охлаждающегося пара. Тогда говорили, что «на улице бусит».

Дожди, особенно летом, были столь частыми, что иногда беспрерывно продолжались до месяца.

Они начинались не сразу, а исподволь, сначала в виде отдельных редких и мелких капелек, заволакивая небо, сопки и местность, а потом расходились и трусили целые сутки, неделю и больше. Иной раз это очень сильно надоедало. И вот, наконец, проскользнувшие из-за туч лучи солнца приводили всё живое в неопишуемый восторг.

Из-за таких дождей разливались вышедшие из берегов реки, сносившие запоры. У зазевавшихся хозяев вода могла унести бат, шайбу и даже собак вместе с привязью.

С наступлением в конце лета погожих дней жители старались использовать это сравнительно жаркое время на заготовку сена.

К осени ясных дней становилось больше, а ближе к зиме начинали ходить микучи — дожди с градом, порою переходящие в слякоть.

Высота выпавшего за зиму снега не превышала метра, но сдутый ветром с ровных мест в леса он мог быть и выше, полностью не тая около шести с половиною месяцев. Земля практически не промерзала. Её, освободив от снега, можно было брать заступом.

Южный ветер приносил главную непогоду. Он дул со стороны Курильских островов и поэтому назывался пренебрежительно «курилкой».

При западном ветре погода была переменчивой, ясные дни чередовались с ненастными. От него бушевало Охотское море. Оно перекидывало через кошку воду, срывало ставные невода и береговые строения.

Северный ветер не был сильным. Он как бы тянул на выдох, назывался «хиусом» и сопровождался необыкновенной стужей. Во все времена года этот ветер славился как спутник хорошей погоды.

Восточный ветер — наиболее буйный. Он дул в основном поздней осенью и зимой, принося с Тихого океана тепло и непроглядные пурги. Порывы такого ветра частенько срывали крыши со строений и надували великие сугробы. В такую

пору было удобно промышлять спрягавшихся от непогоды птиц и лисиц: они, не чуя шороха, близко подпускали людей.

В окрестностях Большерецка росло много ягод. Ранней весной можно было найти прошлогоднюю бруснику и клюкву. Летом во множестве вызревала на сухих кочках шикша, на кустах — жимолость и голубика. Самой крупной ягодой была спелая морошка величиною со среднюю клубнику, с бледно-жёлтым цветом.

Но самой сладкой, нежной и приятной на вкус считалась княженика. Она росла по кочкам и лугам в траве. Бывало, косишь траву на сено и как будто уже наешься ею, а как взмахнёшь косой по-новому, увидишь эту ягоду — спелую, крупную да румяную, поневоле прекратишь работу и начнёшь по-новому ею тешиться.

В отличие от других кисло-сладких ягод, шикша, морошка и княженика были сладкими. После шикши рот и зубы становились чёрными и приобретали естественный цвет лишь спустя несколько дней.

Цветов в Большерецке произрастало множество, с различной окраской, но они, несмотря на свою привлекательность, запаха не имели.

Странное растение, называемое «гагаем», росло по тихим плёсам. Его с охотой поедал рогатый скот, стоя днями в воде. Густо-зелёные растения, образовав на дне реки кочку, уподоблявшуюся женской голове с длинными космами и маленькими на них цветочками с белыми лепестками, заполняли чуть ли не всё русло реки, мешая перемещаться на бату.

На плантации дикого хвоща иногда выгоняли зимовать табуны лошадей, которых оттуда по весне пригоняли весьма справными. Кстати, лошади никакой работы не выполняли, кроме случавшейся в какое-то лето поездки на охоту за оленями в хребты. Этому мешали бездорожье, глубокий снег зимой и многочисленные водные преграды, а также неудобство пользования батом и упряжкой собак.

Картофель вдоволь выращивали на огородах. У каждой хозяйки имелась грядка многолетнего лука-батона. У моих родителей, кроме этих культур и стручкового гороха, огород

ничем больше не засаживался, а вот у дедушки рос не только зелёный салат и укроп, но и собирался урожай свёклы и моркови. Высаживали рассаду капусты, однако кочаны не формировались. Может, это зависело от семян, но, скорее всего, — от обилия навоза.

БОЛЕЗНИ И ИХ ЛЕЧЕНИЕ

Хотя в Большерецке и была так называемая «больница», однако в мои юношеские годы доктор обслуживал больных в общей сложности не более двух-трёх лет. Остальное время больница стояла, не принося пользы, поэтому жители врачевались своими способами.

От простудных заболеваний лечились, натирая грудь медвежьим жиром или покупным свиным салом, а также настоем корней борца или «медвежьих дудок». Пили настои ромашки и кустарничков брусники.

При угаре, засунув в уши по ягодке брусники, выходили из дому наружу и, укутавшись потеплее, сидели на снегу, пока не приходили в себя.

Боль в животе успокаивали массажем.

Чирья лечили подорожником и тонким слоем берёзовой коры, прикладывая их на больное место для того, чтобы ускорялось нагноение и выделение гноя.

Рубленые и рваные раны, гноящиеся и долго не заживающие, врачевали в источниках термальных вод, находившихся в пятнадцати верстах от соседнего села Апачи. Там чирьи и гнойные раны мигом очищались, тело становилось розовым и раны срастались. Там же лечили ревматизм ног, прикладывая к ним селитру — донное отложение.

От зубной боли избавлялись ладаном, упаковывая им дупло больного зуба, от чего последний, переставая болеть, раскрашивался. Воспаление с поражённых глаз после езды по снегу при весеннем солнце, сопровождавшееся острой резью, снимали, прикладывая к ним тряпочки, пропитанные мочой. Другое, причисленное к болезням «нутра», лечили, кто чем мог, и они считались не поддававшимися

врачеванию, то есть безнадежными. Роды принимала бабка, имевшаяся в каждом селе, за что её в обязательном порядке одаряли полотенцем.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ, ПОВЕРЬЯ И ПОГОВОРКИ

Начальство, старших и родителей почитали. При встрече с уважаемым лицом головной убор не снимали раболепно, а приподымали за козырёк над головой. Это сопровождали лёгким поклоном. Дети побаивались родителей и не очень-то перечили, особенно главе семьи. Если старший, пусть даже посторонний, наказал за баловство или недостойное поведение подростка, жаловаться родителям те опасались, так как могли запросто получить не только нотацию, но и ремня.

Взрослые любили давать людям прозвища. Женщинам их присваивали по имени мужей, как-то: «Кольчиха», «Митриха», «Петрушина» и тому подобные. Прозвища мужчинам давали так метко, что они словно прилипали и оставались на всю жизнь. Разумеется, ими пользовались за глаза, и присваивались они сообразно схожести во внешности, повадках, действиях и так далее, например: «Задочек», «Бородач», «Пружина», «Хохол», «Поп», «Боженка», «Дьявол» и прочее.

Меня сверстники в детстве окрестили «тельном» и «басилкой». А присвоили их за то, что мой крёстный отец, учитель из русских, был единственным лысым человеком в селе, певшим в церкви на клиросе басом. Его голая кожа на голове напоминала подрумяненную рыбную котлету, которую, как я уже упоминал, называли «тельном». Было обидно, когда мальчишки, прикладывая ладонь к макушке головы, дразнили меня, подпевая баском. Я гонялся за ними, убежавшими, и кого настигал, тому, разумеется, препорядочно давал тумачков.

Вообще говоря, мои сородичи были народом весёлым, большими просмешниками и любителями разных забав.

Не совсем пристойно писать об одной такой забаве, но для познания хотя бы частицы такого рода развлечений, приходится познакомить читателя с нею.

Весной с появлением чавычи, когда сочная растительность покрывала добротный чернозём зеленью, а птички весело щебетали, большеберцкие мужики по полым водам сплывали на паромах с частями запоров километра на четыре в реку Якутовую и здесь на одной из шивер перегораживали водоём.

Вечером после работы, поужинав около костра и палаток, один из весельчаков, поймав подростка, говорил:

— Давай-ка, посмотрим у него циньку.

К такой потехе присоединялись другие старшие, которые, подвергнув младших такому же осмотру, добивались до более пожилых и совсем старых.

Обижаться на это не полагалось, так как все шутили и смеялись, а если кто и пытался дуться и очень уж сопротивлялся, у него «смотрели» повторно, после зачинщиков.

Бились в «душки». У варёной утки вынимали из груди две парно соединённые полуовальные косточки, называемые «душкой». Двое, договорившись о выигрыше, взявшись за концы душки, переламывали её. С этих пор между ними устанавливались отношения, при которых принимавший какой-либо предмет от участника, бившегося в душки, должен был непременно сказать: «Беру, да помню». Если он этого не говорил, другая сторона уличала его в забывчивости и восклицала: «Помни», и тем самым выигрывала.

Помню, как однажды мой отец «объегорил» одну участницу такой игры, которая потом бесплатно спиала ему полдесятка алыков.

По гребню кости на груди варёной утки угадывали, вернее, пытались угадать погоду следующего дня. Если на нём виднелись затемнения в виде туч, это предвещало плохую погоду, а при чистом — ясный или другой день, сообразно степени затемнения.

Верили в следующие приметы:

Нож случайно упал вверх лезвием — хочет пластать, будет добыча.

Река Быстрая шумит отдалённо в вершинах — предстоит хорошая погода.

Сопки приблизились, видно их чётко — предполагается ненастье.

Собаки валяются на снегу — выпадет снег.

Будешь свистеть — накличешь лешего.

Будешь мочиться на костёр — появятся коросты.

Будешь баловаться с головёшкой — ночью обмочишься.

Поговорок знали не так уж много: «Не пои, не корми, а лучше ласково взгляни», «За такие малости не стоит благодарности», «Хоть кол на голове теши, а он всё равно будет стоять на своём», «На ветке передаёт» (то есть намекает).

Самобытных сказок знали мало. Их содержание, некогда слышанное мною, я позабыл.

За злостное баловство и систематическое непослушание мать могла проклясть детей, например, словами: «Не покрасуешься ты долго на этом свете!» Дети проклятья очень боялись, а матери произносили его в крайних случаях, в пылу страшного гнева.

Среди взрослых не было принято матерно ругаться, а равно и затевать драку. Скандалистов обзывали «мерзавцами», «прохвостами», «канальями», «скважинами», «варнаками», «каторжниками», «страмниками»...

ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ, СЁЛАМИ И ПРОЕЗЖИМИ ЛЮДЬМИ

Население Большерецка никаких непосредственных торгово-экономических отношений с Японией не имело, кроме редких случаев обмена собачьих шкур на спирт. Рыжие шкуры японцы принимали за лисьи, а остальные разномастные у них шли на пошив душегреек.

На бутылке со спиртом был изображён старец, сидевший на корточках со сложенными ногами, поэтому такая ёмкость называлась «старичком». Это было изображение их императора.

Перед окончанием гражданской войны на Дальнем Востоке Большерецк часто посещали проходившие со стороны Охотского моря и проезжавшие из Гавани японские под-

данные. Однажды они даже зимовали маленькой группкой, расселившись по отдельным избам. Поговаривали, что один из них, пожилой, который не работал, будучи в преклонном возрасте, как будто бы числился полковником японской армии, а остальные, помоложе, вероятно, служили меньшими чинами.

Эти мои догадки подтверждались тем, что тот, который жил у нас и за бесплатную еду временами работал по хозяйству, был необычно грамотным, холёным, с золотыми зубами, имел маникюрные принадлежности, значительно отличался от тех промысловых рабочих, своих сородичей, которых я хорошо знал.

Теперь их действия мне ясны. Японцы изучали обстановку, знакомились с населением, углубляли свои познания в русском языке и вообще, без сомнения, числились в резидентах их армии, дожидаясь возможного падения советской власти в России, захвата ими Камчатки и так с давних пор страстно желанного присоединения полуострова к своей «Великой Империи».

С Америкой вели торговлю через посредство факторий, обосновавшихся на кошке, которые действовали, вероятно, от лица Русско-Американской компании, в соответствии с межправительственным соглашением обеих стран.

Надо полагать, что такие фактории были посредниками между Еновским и рыбаками, которые, по-моему, вели между ними соответствующие расчёты.

С близлежащими северными селениями — Уткой, Кихчиком — и другими дальними имели связь постольку, поскольку проезжали по ним, следуя к кочевым корякам.

С сёлами к востоку от Большерецка, как-то Апачей, Начикой, Коряками и Елизово, знакомство имели также малое, как и с северными, проезжая их по пути в Гавань.

Однажды зимой возвращавшихся на собачьих нартах из Гавани накрыла туча пепла (как тогда посчитали — сажи). Они, истончив об неё полозья, едва дотащили полупорожние нарты домой. Эта сажка так заволокла днём ясное небо в Большерецке, что понадобилось зажигать огни. Оставшиеся без

мужиков женщины, полагая, что наступил «конец света», стали плакать, молиться и паниковать, ожидая с часу на час, когда небесные и нечистые силы примутся отбирать их, кого в рай, кого в ад. К счастью, спустя сутки пепел разнесло, небо очистилось и «светопреставление» не состоялось.

Позже выяснилось, что это явление стало следствием извержения вулкана за две сотни вёрст от Большерецка.

Большая часть глав семей имела пушнину и деньги и потому раз в год ездила в Гавань. Здесь они сбывали пушнину подороже, а разнообразные товары, минуя проезжих купцов, покупали подешевле.

Каждую зиму к концу пушного сезона через Большерецк проезжало на север более десятка нарт каюривших купцов. Свои товары в Большерецке они почти не продавали, припасая их для обмена на пушнину в дальних сёлах, жители которых редко ездили в Гавань.

Купцам запрещалось торговать спиртными напитками, поэтому они ухитрялись перевозить его скрытно, например, под видом непомерного количества тройного одеколona в бутылках большой ёмкости.

Помню, как-то отец получил от старосты полномочия на проверку контрабанды в трёх нартах японских купцов. Не обнаружив ничего подозрительного, земляк купил банку консервированных ананасов. Когда впоследствии ёмкость вскрыли, в ней оказался чистейший спирт. Вся партия этих «консервов» была реквизирована и поделена между членами общества без оплаты.

К концу гражданской войны, следуя с кошки в Гавань или обратно, через Большерецк проходило помногу разного народа: корейцы, китайцы и русские, искавшие возможность уехать с Камчатки.

Большерецкие жители славились гостеприимством, и, бывало, люди жили месяцами, стояли на бесплатном довольствии. Никто не спрашивал у путников, куда и зачем они передвигаются.

Однажды у нас на постой осталась пара странных мужиков. Один — высокий, худощавый, с большим ястребиным

носом, угрюмым и пепельного цвета лицом, с фигурой вроде вопросительного знака, был очень немощным. Он носил фамилию Гольинский. Другой — Сташинский — являл собою богатыря. Лет сорока, в меру упитанный, стройный, рослый, с громадными кулачищами. Его серо-жёлтое лицо имело на лбу, около левой брови и на бычьей шее по продолговатой шишке, величиною в третью часть указательного пальца. Он оберегал Гольинского и прислуживал ему.

Однажды я услышал их разговор по поводу одного такого же путника, остановившегося у нас и чем-то, видно, им не понравившегося.

— В прежние времена я бы дал ему двадцать пять горяченьких, так он бы только зевнул, — похвалился Гольинский.

— Ко мне однажды пристал такой же вот субчик и ударил меня кулаком по носу, — продолжал начатую тему Сташинский. — Я сказал, что, если покажется с носу кровь, то тебе несдобровать. После я его как ударил кулаком по темени, он так и дух испустил.

В избе никого не было, мне стало страшно, и я, выйдя на улицу, встретил там того самого, который им не понравился и пересказал ему услышанное.

— А ты разве не знаешь, кто они? Это же сахалинские палачи, бежавшие оттуда. Они ждут прибытия парохода, чтобы удрать за границу, — предупредил он меня.

Теперь я вспомнил, что такие люди «диганятся» — издеваются над людьми, поэтому дал зарок: втроем с ними без родителей не оставаться.

Я не упомянул о нашем южном соседе — селе Хайково, расположенном на склоне отлогой сопки возле реки Амшигачевой и ключика Хайкового.

Прежде кета, водившаяся в этом ключе, называлась «хайко». Она метала икру, от чего этот глубоководный водоём с наичистой водой и обрывистыми берегами и получил название Хайкового.

Когда-то здесь, возможно в 1910 или 1912 году, точных сведений не имею, казна построила два административно-жилых здания, одно из которых являлось почтово-телеграфной

конторой, а второе — волостным правлением. Вокруг них стали строиться и заселяться исключительно русские.

С переходом волостного правления из Большерецка в Хайково, это село стало именоваться Усть-Большерецком. С упрочением советской власти в Усть-Большерецке открылся кооператив, лавка «Госвино» и появились бытовые службы, сопутствовавшие присутствию людей с твёрдым заработком.

Первоначально это село служило большерецким путникам промежуточным пунктом дороги от кошки до дома, а потом, по мере роста его влияния, превратилось в административно-торговый центр.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ РЕК

В бассейнах рек Быстрой, Плотниковой и Большой в радиусе тридцати километров от Большерецка жители знали около восьмидесяти наименований рек, проток и ключей. Почему им присваивали те или иные названия, я до конца не знаю, поэтому разделяю их на три категории: 1) известные по «Описанию земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, 2) знаю сам, почему они так названы, 3) не знаю, но догадываюсь.

С приходом россиян все реки были переименованы в честь тех лиц, которые некогда жили на их берегах, например: Трапезникова — в честь посадского человека, Остафьева — освобождённого из холопов, Запороцкая — ссыльного, Карымаева — по имени тойона Карымая, Чекавина и Амшигачева — в память казаков из камчадалов.

Названия рек наглядно дают представление о социальном составе населения тогдашнего Большерецкого острога, которым управляла обосновавшаяся там приказная изба.

В части второй категории следует сказать, что эти реки, речушки и ключи протекали в непосредственной близости от села и служили Большерецку не только удобными водными артериями, но и местом промысла рыбы. Им присвоили названия: Паранчиновая — в её истоках жил камчадал Паранчин, Петровичева — на берегу стоял балаган Петра

Логинова, Мостовая — через неё был перекинут узенький мостишка с перилами, Грунчина — здесь утонула жительница Груня (Агриппина), Манаковая — в ней погиб житель Манаков, Чистый ключ — здесь текла чистойшая вода, одинаково прохладная зимой и летом.

Название этих рек можно было бы и не приводить, а упомянуты они лишь для того, чтобы сориентировать человека с пытливым умом, который когда-нибудь пожелает прогуляться по территории бывшего острога с археологическим инструментом.

О происхождении названий рек, отнесённых мною к третьей категории, можно только догадываться. Так, тундровую реку Гольцовку, протекавшую в полуверсте от села, называли, вероятно, из-за гольцов, водившихся в ней. В протоке Белой глины, впадавшей километрах в четырёх от Большерецка в реку Роговую, добывали белую глину, шедшую на побелку изб и печей, отчего, надо полагать, она и получила своё название. Реке Плотниковой, притоку Большой, дано название после убийства из Большерецка С. П. Крашенинникова, так же как и Корабельной, являвшейся протокой Плотниковой.

История появления их названий, вероятно, такова. В рапорте от 5 августа 1739 года С. П. Крашенинников писал в Петербург своим академическим начальникам: «Судну, строенному в Большерецке из берёзы, имя дано “Большерецк”, спустили его мая 25-го числа». Капитан М. П. Шпанберг, живший тогда в Большерецком остроге, не был удовлетворён этим судном из-за его большой осадки.

Можно предположить, что позже кораблестроители остановились табором в упомянутой протоке Корабельной, которая ещё в мои детские годы славилась обилием строевого тополёвого леса. Он, безусловно, более отвечал требованиям кораблестроения в условиях Большерецка в отличие других пород древесины.

На реке, ранее называемой Большой, также являвшейся местом заготовки леса, по всей видимости, рубили срубы для зданий, то есть производили плотницкие работы, а поэтому, надо полагать, и называли её Плотниковой.

Во всяком случае, местным жителям незачем было присваивать рекам такие названия, как Корабельная, которые ни в какой мере не могли ассоциироваться с их родом занятий. А раз это так, то нам приходится признать, что в Большерецком остроге ещё с давних пор строили морские суда, бороздившие воды Охотского моря, обследуя Курильские острова до Японии и выполняя транспортные перевозки от Большерецка до Охотска и обратно⁶.

Примерно в трети пути до Апачи по реке Плотниковой в обрыве увала, составлявшего южный берег этой реки, добывалась глина, из которой ещё до приезда Крашенинникова изготовляли и обжигали кирпичи, поэтому это место называлось «Кирпичным».

26 сентября 1711 года Анциферов и Козыревский из Большерецкого острога обратились с челобитной к Петру I. В ней есть следующие строки: «А прежних воров заводчиков лучших иноземцов Карымчу Товача с товарищи ласкою под твою руку привели, а их в аманаты изсажали и нынешнего ж 711 году, мая в 21 день, вор и заводчик, лучший иноземец Канач собрався с родами своими Большой реки пяти острогами...» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов / Под ред. А. П. Алькора и А. К. Дрезена. — Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. — С. 34].

Речь идёт о Каначе и Карымче. Так вот, оказывается, почему тундровая река, на которой так помногу ловили чавычи, называлась Каначевой, а горная река, изобиловавшая летом кормившимися медведями, именовалась Карымчиной!

Описание многих из этих рек я умышленно не делаю, так как почти все они обозначены на крупномасштабных картах Камчатки.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Большая часть населения Большерецка говорила, мало искажая русскую речь, так же, как в Апаче, Начиках, Коряках и Елизово. Но их говор во многом отличался от жите-

лей сёл, расположенных к северу, начиная от Утки, а также проживавших в Малках и Ганалах, которые говорили куда хуже большерецких, значительно искажая русскую речь.

Произношение моих односельчан было мягким. Они не говорили «чего», «что» и «почему», употребляя взамен, соответственно, «цovo», «цо», «пошто». Если кто начинал пользоваться чисто русскими словами, только что упомянутыми выше, его презирали и говорили, что он «дерёт норку» и изъясняется «свысока», то есть воображает из себя «шибко учёного».

Я заметил, что у части жителей имелись следующие отклонения от нормальной русской речи:

Следовало говорить	Говорили	Следовало говорить	Говорили
Чавыча	цавица	Мышоночек	мисоночок
Черемша	черемса	Бычок	бицок
Чаще	цасце	Бычиска	бициска
Чащоба	цасцоба	Высчитывал	висцитивал
Начальник	нацальник	Тысяча	тисаца
Шалаш	салас	Щеночек	соночик
Шоколад	соколад	Щекотно	спокотно
Шорох	сорох	Мещанин	месцанин
Шесток	сесток	Щавель	сцавель
Немощной	немосцной	Щучий	сцущий
Живучий	зивущий	Жадничать	задничать
Желудочек	зелудочок	Жемчужина	земцужина

Полагаю, что такие искажения привнесли первопроходцы. Они, переняв упомянутое произношение от архангельских поморов, в течение ряда столетий хранили и вследствие общности с сибирскими народами приумножали его, донеся до камчатских жителей. Иначе, откуда бы взялись те самые архаизмы, которыми пользовались мои земляки, краткий перечень которых прилагаю в конце настоящей рукописи в виде словаря большерецких говоров.

ГДЕ ДЕЛАТЬ РАСКОПКИ?

Пройдет какое-то, думаю, непродолжительное время, и археологи займутся раскопками в Большерецке. Рано или поздно возникнет вопрос: кто такие аборигены Камчатки и откуда они появились? Может, они принадлежат к тем азиатам,

которые переселялись через Берингию в Америку или, наоборот — следовали из Нового Света на Запад. А разве нельзя допустить, что в давние времена вместо Охотского моря была суша? Можно предположить и то, что полуостров, возможно, частично был обжит переселенцами со стороны Японских островов через гряду Курильских земель. Эти догадки мы оставим на обоснование археологам, а сейчас постараемся извлечь выгоду из моих наблюдений, воспоминаний и предположений.

Прежде всего, исследователь должен будет обратить внимание на два бугра, ни с того, ни с сего оказавшихся в Большерецке на ровном месте. К сожалению, должен обратить внимание на следующее. В последний раз я посещал место родного села 25 июня 1970 года. Заметил, что упомянутые два курганчика плохо определяются на местности. Разыскивать их надо ранней весной или после уборки сена, которой там занимался совхоз.

На большом бугре стояла дедушкина стайка. Южная сторона этой возвышенности в прошлом, вероятно, была продолжением крутого берега некогда протекавшей здесь реки, а в мою бытность — кочковато-мокрой местностью. Идя по этому берегу от стайки строго на запад, метрах в двухстах наткнёшься на выход из-под земли ключика с небольшим плёсом, соединившимся с речушкой Петровичевой узким горлом.

Восточную кромку бугра три-четыре века тому назад омывала, наверное, тоже речушка, которую жители называли «логотиной». Там, где устье логотины встречалось с бывшей рекой, имелся глубокий водоём диаметром пять-шесть метров. Похоже, что вынутый из него грунт в прошлом служил строительным материалом для создания господствующей высоты. С этой же восточной стороны, кроме упомянутой сухой логотины, в двух-трёх сотнях метров от бугра протекала и Мостовая.

Почему я за раскопки около этого бугра? Во-первых, из-за господствующего положения кургана над всей местностью. Во-вторых, ввиду соседствующей с курганом выемкой грунта. В-третьих, потому, что, когда я был мальчишкой то, копаясь в обрыве кургана с южной стороны, находил немало битых

остатков жжёного кирпича и фарфоровой посуды. Эти кирпичи взрослые мельчили и добавляли в раствор глины как красящее вещество, смазывая им стены изб. Те выгодно отличались рыжим цветом от покрытых глиной белого цвета. Этот слабый кирпич, по свидетельству Крашенинникова, изготовляли в Большерецке ещё до его приезда.

Все эти три факта свидетельствуют, что в прошлом на этом кургане, несомненно, находилось солидное жилое строение, которым мог быть только сам острог, и вот почему.

Вспомним ещё раз о челобитной служилых людей Анциферова и Козыревского Петру I, написанной 26 сентября 1711 года, в которой сообщается, что «ниже прежнего ясачного зимовья острог земляной построили, а в нём ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стоялой бревенчатый поставили...»

Поскольку ниже этого места больше не имеется признаков наличия подобного сооружения, нам остаётся причислить упомянутый курган именно к местонахождению «острога земляного». А раз это так, то это место в прошлом было притягательно и для камчадалов. И вот почему.

Вспомните историю борьбы местных жителей с русскими землепроходцами. Прежние остроги по несколько раз переходили из рук в руки. Аборигены сжигали строения, а служилые на прежнем месте отстраивали новые. Доказательством тому служит та же вышеупомянутая челобитная, в которой сообщалось: «...служить тебе великому государю на Большую реку, умирять изменников, которые в прошлом 707 и 710 годах тебе, великому государю, изменили, и ясачное зимовье и острог на Большой реке сожгли...»

Жители острога, очевидно, также как и русские, через верхний бруствер острога сваливали под берег реки бытовые отходы, то есть то, что теперь необходимо для изучения истории прошлых веков. Таким образом, возле этого кургана или в нём самом можно отыскать культуру двух эпох: одну трёхсотлетней давности — стоянки первых землепроходцев из россиян, а вторую, — вполне возможно, дальних предков моих сородичей.

Второй бугорок, меньший в сравнении с первым. Возле него в юго-западной части метрах в десяти-пятнадцати стояла наша стайка, а в восточном направлении, метрах в двадцати — и сама изба. В мою бытность этот бугорок имел высоту не менее трёх метров. Помнится, мы, дети, играя на нём, находили в углублениях остатки трухлявого дерева.

Этот курганчик стоял от первого большего к северу метрах в двухстах пятидесяти возле упомянутой логотины и ста двадцати — от Мостовой.

При встрече устья ключика с речушкой Петровичевой, если следовать вниз по течению на запад, на берегу метрах в сорока можно встретить две полузаливные ямы. В прошлом они представляли небольшие озёрки. В давние времена эта водная артерия с высокими берегами, очевидно, была удобна для первобытного поселенца. Видно, что тут явно стояла пара юрт. Однако в 1970 году, когда я посетил эти признаки стойбищ, то они слабо определялись на местности. Тогда я пришёл к выводу, что если места стоянок за полвека смогли почти сравняться с поверхностью земли, значит, они молодые по происхождению. Отыскать их нетрудно, а заодно и поразмыслить над возвышенностями, составлявшими некогда берега солидной реки.

Если от только что упомянутого стойбища, перебрёдя Петровичевую, отправиться строго на юг, то в половине лесистого пути между этой речушкой и Манаковой можно наткнуться на берега бывшей речки. В мою бытность по её крупно-каменистому дну, заросшему тогда растительностью, бежал почти невидимой ниточкой только ручеёк. На его северном яру прежде я, кажется, тоже замечал признаки оснований юрт. По состоянию этого родничка можно заключить, что поселение, если оно действительно имелось, могло быть только очень древним.

Будучи ещё подростком, я задумывался над происхождением озёрушек, ни с того ни с сего образовавшихся в окрестностях Большерецка на такой местности, которая явно противоречила их природе. Взять хотя бы ещё одно озёрко. Оно находится там, где воображение может принять его только

за остов некогда стоявшей здесь большой юрты. И действительно, когда изучишь местность вблизи него, то непременно придёшь к выводу, что тут некогда было весьма удобное место для поселения. Находится оно метрах в пятидесяти от южного берега реки Петровичевой.

Если считать вышеописанные «две полузаливные ямы» за начало пути по северному берегу Петровичевой и следовать вниз по течению, то озёрко окажется метрах в двухстах на противоположном берегу её плёса. В близком расстоянии южного берега озёрка находится кочковатая низина, вероятно, представлявшая в прошлом обширную курью или неглубокую речку. Южная кромка этой мокроватой местности является северным берегом ключа, впадавшего в недалёком расстоянии в Грунчиную.

Соседство стойбища с двумя упомянутыми речками, очевидно, когда-то впадавшими метрах в трёхстах-четырёхстах в довольно обширную Грунчиную, делало его идеальным местом для поселения. В том числе и потому, что большая часть местности Большерецкого острога когда-то, несомненно, была тундрой с ягелем, годной для выпаса оленей.

Внимание к озёрку привлекают невысокие обрывистые берега, схожие по очертанию с квадратом или же, точно теперь не помню, четырёхугольником.

На обрывистом берегу заливчика, впадавшего в Грунчиную около её восточного берега, имеются очевидные признаки основания юрт. Они, вероятно, двух или трёхвековой давности, поэтому вряд ли могут представлять интерес для археологов.

Но им следует обратить внимание на большие ямы по южному берегу Светлого ключа. Он берёт начало из-под земли и сразу же образует солидную курчажину с прозрачной водой, одинаково холодной зимой и летом. Его изголовье находится на уровне устья Паранчиновой. Он течёт параллельно Манаковой с востока на запад на расстоянии восьмисот метров от южного берега только что упомянутой реки. Впадает же он в неё под крутой шиверой в пятистах метрах от устьев Манаковой и Грунчиной.

В половине длины Светлого ключа в него в половодье вливается протока, начинающаяся из так называемой «Старой Плотниковой». В прошлые века протока была, вероятно, полноводной, но потом, когда река Плотникова изменила русло на юг, она захирела.

От устья протоки южный берег Светлого ключа становится высоким, сухим и крутоярым. Метрах в пятистах от обоих устьев возле довольно широкого и длинного плёса, на яру имеются большого размера выемки грунта. Это, несомненно, признаки местонахождения больших юрт.

Я за раскопки в этом месте вот ещё почему. Светлый ключ очень подходил для нереста многих рыб. В него попеременно заходили кета, летняя красная, голец, а кижуч пребывал здесь до самого Рождества. Когда протока была полноводной, то ясно, что в ней обильно нерестилась и горбуша. Такие реки и берега всегда были весьма удобны для стоянок людей каменного века.

В юношеские годы я знал недалеко от села озерко, к которому частенько ходил промыслять уток. Озерко имело правильную окружность. Его диаметр равнялся, примерно, тридцати-сорока метрам. По краям возвышался небольшой валик из песка и гравия. Это несомненное творение природы можно было принять за яму, образовавшуюся от взрыва бомбы большой силы. Глубину его я не измерял. Мне думается, что это результат работы некогда упавшего метеорита.

Сложно и долго описывать его местонахождение. Озерко находится в северо-восточной стороне от бывшего села, примерно в трёх километрах в лесистой местности, в самом коротком перешейке между Паранчиновой и Быстрой. Кажется, что оно образовалось на бугорке. Место там было сухое и потому весьма удобное. Прежде берега были покрыты молодым ольховничком.

Кроме мест раскопок в самом Большерецке, надо обследовать близлежащую территорию вокруг села. В пятистах метрах от устья Гольцовки на её северном берегу возле некогда бывшего моста имеются подозрительные ямы. Когда-то здесь, несомненно, стояли юрты. Только не надо путать мост, кото-

рый был в последние годы существования Большерецка и оставался после его переноса, примерно до 1940-х годов.

Выход речушки Паранчиновой, протекавшей мимо из Гавриила и Петра Кравченковых (смотри план Большерецка), прежде начинался от бурной протоки реки Быстрой. Протока эта тоже называлась Паранчиновой. Она несла половину стока воды Быстрой. Там, недалеко от выхода половину стока воды Быстрой. Там, недалеко от выхода речушки Паранчиновой, на высоком и обрывистом берегу самой протоки Паранчиновой, где чистый яр встречался с тундрой, я заметил ямы — явные признаки бывших стойбищ. Место там продувное, соседствует с тальниковым и, кажется, берёзовым лесом.

Название и протоки, и речушки произошло, очевидно, вот откуда. В романе «Государство солнца» Н. Смирнова есть фраза: «К отцу иногда заходили камчадалы, особенно один — Паранчин, родственник моей матери». Далее упоминается, что Паранчин «ещё держал оленей». Логично предположить, что Паранчин и его дальние предки прежде пасли свои табуны на расположенной рядом тундре и одновременно промысляли в реке рыбу, уток, а возможно, и медведей.

В наше время упомянутую стоянку можно обнаружить, а можно и нет. Дело в том, что протока Паранчиновая во время моего посещения этих мест настойчиво точила свой южный берег. Вполне возможно, что вскорости русло протоки повернуло на север, как это случалось со многими реками прежде, и находки могут оказаться даже и на берегу песчаной косы, возле подножия стойбища.

Для успешных поисков предметов, принадлежавших людям каменного века за пределами Большерецка, необходимо обратиться к труду С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», где он упоминает об острожках по рекам. Эти водные артерии были обозначены на крупномасштабных картах Усть-Большерецкого района. Вспоминая сейчас виденное, я прихожу к выводу: те ямы были давним творением рук человека.

«Амшигачева, по-камчатски Уаушим, речка от Чекавиной верстах в девяти, течёт в Большую реку с северо-восточной

стороны. Обе объявленные речки прозваны от казаков именами камчадалов Чекавы и Амшигача, которые на них жилища свои имели». Ямы обнаруживались подле поворота увала на запад, в километре от устья на восточном берегу Амшигачевой. Устье названной реки я имею в виду то, которое находится восточнее села Усть-Большерецка.

Надо заметить, что этот берег, мне кажется, был не очень удобным для стойбищ. Поэтому, не лучше ли искать такие под увалом, на западном берегу Амшигачевой?

Река Начилова. «В восьми верстах от объявленного острожка пала в Большую реку Начилова речка...» С. П. Крашенинников упоминает: «Строения в нём две юрты, девять балаганов да одна изба казачьего сына Алексея Мутавина. Ясашных пять человек, из которых один собольник да четверо лисичников. Тойон называется Гурулей». Расположение этого острожка надо искать на западном берегу Начиловой, в пределах до двух километров от устья, чуть ниже телеграфной линии, пересекавшей названную речку. Там я помню признаки бывшего жилья.

Речка Карымова в мою бытность называлась Карымаевским ключом. «Жилья по реке Быстрой... 4) Карымова, а в них по одному двору; 5) камчатский острожек, Карымаев называемый». В сноске на этой же странице упоминается о «Карымаеве остроге»: «Строения в нём шестнадцать балаганов, тойон называется Кармай». К сожалению, в этих местах бывать мне не приходилось. Знаю лишь, что на Карымаевском ключе ещё до 1920-х годов был рыбопроизводный пункт⁷. Впал этот подземный источник в протоку реки Быстрой, называемой Карымаевской рекой. В мою бытность выход Карымаевской реки из года в год захламляло и заметало галькой. Впоследствии она обмелела и стала малопригодной как для промысла рыбы, так и добычи зверя. Однако в давние времена оба бассейна и их берега считались весьма богатыми и рыбой, и зверем, особенно кижучем и медведем.

С 1930-х до 1950-х годов, как я знал, на обширных полях к северу от Карымаевского ключа обосновался полеводческий участок Большерецкого совхоза.

Реки Карымчина и Каначева. Оба эти водных источника имеют весьма богатую историю. В прошлом они славились промыслом рыбы и зверя. Вновь обратимся к челобитной служилых царю от 26 сентября 1711 года: «...а прежних воров заводчиков лучших иноземцов Карымчу Товача с товарищи ласкою под твою руку привели». И дальше: «...а их в аманаты изсажали», а «и нынешнего ж 711 году, мая в 21 день, вор и заводчик, лучший иноземец Большой реки Канач, собрався с родами своими Большой реки пяти острогами».

На Карымчиной я не бывал. В 1970 году, будучи проездом из Большерецка в городе Петропавловске, осведомлялся о местах раскопок, опрашивая старожилов. Тогда двоюродный брат, Иннокентий Николаевич Логинов, рассказал, что ему доводилось охотиться в районе реки Карымчиной. По её берегам он во множестве видел заросшие ямы. К великому огорчению, он скончался 7 ноября 1980 года, унеся с собой эту тайну. Я же думаю, что найти их в данное время не представляет трудности.

О населении Каначевой, также как и Карымчиной, в трудах Крашенинникова никаких данных я не обнаружил. Вероятнее всего, эти большие роды в его бытность прекратили своё существование. Однако мне посчастливилось ловить чавычу и промыслять уток в устье Каначевой и недалеко от неё. Около южного берега в нескольких сотнях метров, кажется, я тоже видел ямы. Они находятся от устья примерно в двух-трёх километрах.

Ключ Океанский. Заманчивым для раскопок может стать «острожек Коажчхожу». В его предполагаемом местонахождении я был наездом, когда случайно посетил по суше рыбопроизводный завод. Крашенинников пишет: «От речки Аушиммеля в пяти верстах на северном берегу Большой реки есть камчатский острожек, Коажчхожу называемой, под которым пал в помянутую реку небольшой ручей одною имени с острожком».

На этой же странице в сноске упоминается: «Там же имеют следующие данные об острожке Коажчхожу: строения в помянутом острожке одна юрта, десять балаганов. Ясашных

семнадцать человек, из которых пять человек собольников да двенадцать лисичников. Тойон называется Сикучкоачь».

Названия упомянутых «реки» и «ручья» в мою бытность, несомненно, изменились. Но я с уверенностью могу сказать, что известный мне рыбопроизводный завод, называемый Океанским, стоял, возможно, на месте острожка или вблизи его на ключе Океанском, или около его устья.

Ясно, что вышеназванный водоём начинается из-под земли. И там, где стоял рыбопроизводный завод, ключ имел длинный плёс шириною примерно сто метров. Этот завод находился в половине пути между Большеперецким совхозом и Амшигачиевским мостом на южной стороне от теперешнего шоссе. Берег там высокий, чистый. Острожек, вероятно, соседствовал с тундрой, на севере и северо-востоке — с берёзовым лесом, рядом росла древесина мягких пород.

Охарактеризую общие условия для проведения поисковых работ. Прежние поселения камчадалов располагались, как правило, около берега рыбной речки, протоки или ключа, связанных с реками Быстрой, Плотниковой или Большой. Это было удобно для сплава с их кос сухих коряг для отопления. Заготовка таких дров почти не требовала применения каменного топора. Прибрежный лес, из которого аборигены возводили балаганы, юрты и барабары, без особого труда доставлялся по этим водным артериям. Там же имелся и большой выбор камня, обнажённого на косах в малую воду, весьма пригодного для поделок как по величине, так по прочности и форме.

Мои предки поселялись, очевидно, недалеко от устьев речек с тем расчётом, чтобы не вести далеко по воде подвязи с лесом против возможного течения. Устье ключа, протоки или речки обычно словно бы «подпирались» сильным течением основной реки, а в конечном пути оно становилось весьма слабым, чем и должны были пользоваться прежние поселяне.

Берега должны быть высокими и потому не затопляемыми в весенний паводок. Место — чистым, достаточно продуваемым во время гнуса, с хорошим обзором, позволявшим заранее заметить приближавшегося врага. Непременное

условие — соседство тундры для выпаса табунчиков оленей с обилием ягод, черемши и других съедобных растений.

В недалеком расстоянии от стойбища находилась, вероятно, роща берёзового леса, из которого жители делали долговечные сосуды, ручки для топоров и ножей, древки стрел, а также, это уж обязательно, выездные нарты и грузовые дровни. Стойбище, несомненно, обрамляли густые заросли леса мягкой породы, как-то тальника, ветлы и ольховника. Кора ветлового леса сдиралась на покрытие крыш, а кора ольховника являлась источником дубильно-красящих веществ, шедших на обработку кожи для одежды и обуви.

Население острога нужно определять не числом юрт, а количеством балаганов. Может быть, что «юрт одна, балаганов десять», а «ясажных семнадцать человек». Ведь каждый балаган служил, как минимум, одной семье в роду, а может быть, и несколькими, например, братьям.

Упомянутыми мною местами пренебрегать нельзя. Они, можно смело сказать, были привлекательны для размещения стойбищ не только во время прихода первых служилых, но, наверняка, оставались ими с незапамятных веков.

Все эти места можно обнаружить весной и летом. В случае успеха остолбить и запретить возводить там строения. Площадь под селом Большеперецком, до поры до времени, как заповедную, сохранить нетронутой. Запретить пахоту. Пусть там занимаются только заготовкой сена.

Мне много раз пришлось ссылаться на труд С. П. Крашенинникова. Упоминание о нём может показаться не вполне уместным. Но я думаю, тут как раз и настало время вспомнить о его заслугах. На собранных им материалах можно написать несколько романов, повестей, стихотворений и статей, вполне подходящих к современности. А сколько в его письменном наследстве имеется тем для создания художественных исторических полотен! Ведь знание истории нашей страны, прошлого родины порождает патриотизм!

Настала пора задуматься о создании памятника Степану Петровичу Крашенинникову, хотя бы на пожертвования частных лиц. Первый взнос будет мой!